

Николай

НАСЕДКИН

СУПЕРВРАТАРЬ

и другие фантастические истории

16+

Николай Наседкин

**Супервратарь и другие
фантастические истории**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Наседкин Н. Н.

Супервратарь и другие фантастические истории /
Н. Н. Наседкин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборник вошли три рассказа, повесть и роман. Они созданы в разных жанрах фантастики — есть и научная, и ужасы, и мистика, и киберпанк. А объединяет все произведения, можно сказать, жанр «фантастического реализма»: события описываются невероятные, фантастические, но так убедительно и с такими достоверными подробностями, что невольно веришь — всё это случилось на самом деле... Рассказы и повесть ранее печатались в журналах («НС», «Урал», «ФиС» и др.), а «виртуальный роман» издавался на русском и польском языках. Содержит нецензурную брань.

© Наседкин Н. Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

СУПЕРВРАТАРЬ	5
ТВАРЬ	16
МУРАВЬИ	24
ПРОТОТИПЫ	32
ДЖУРОБ	50
Предыстория	50
Глик первый	53
Глик второй	56
Глик третий	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

СУПЕРВРАТАРЬ

Рассказ

1

Как раз перед появлением этого странного типа в комнате «Гладиаторов» Фреди Анвайзер, менеджер команды, стуча по крышке обшарпанного стола обломком клюшки обильно брызгая слюной, орал на капитана Дика Обманна:

– Ну какой же ты не подонок, Дик? Ведь ты сам проворонил два момента! Две верных банки!.. Да об тебя за это ворота раздробить мало! А во втором периоде? «Принцы» полезли, как бешеные, эти сосунки-братья в защите растерялись, Фол в воротах дохлой кошкой болтался, а ты? Где ты был? Ты же капитан, чёрт возьми!!!

Дик вяло отругивался:

– Ну чего я мог?.. Чего на меня-то всё?.. Не везёт, сам знаешь...

Забияка Джимми Цвист, нападающий первой пятёрки, боялся (и сам не мог понять – почему?) лишь одного человека на свете – Фреди Анвайзера и потому помалкивал в тряпочку. А бесновался менеджер не зря: «Гладиаторы», два года назад забравшие кубок континента, нынче были на предпоследнем месте в таблице. Если дело пойдёт так и дальше, и если их не убьют болельщики (а угрозы уже были), они могли вылететь в большую трубу и лететь долго...

Чего только не предпринимали. Вытолкали в шею трёх-четырёх «гладиаторов» – скинули балласт, за бешеные деньги переманили из «Эвереста» знаменитого Боба Бюффеля, взвинтили тренировки... Масть не шла. Сегодня их разгромили девятый раз подряд. 12:3 – с таким счётом «Гладиаторов» ещё никогда не колошматили. Фреди Анвайзер окропил своей слюной уже полкомнаты, когда зашёл этот парень.

2

На вид ему было лет тридцать, никак не меньше, фигурой мало походил на спортсмена – хилак, и одет так, что не поймёшь: рабочий? бродяга? конторщик?.. Лицо его было до странности неподвижным: он не окинул взглядом комнату, как делают все нормальные люди, не улыбнулся и даже вроде бы не моргал. Он просто вошёл и начал молча рассматривать троицу, сидящую за голым деревянным столом, над которым, казалось, ещё клубились изрыгнутые Анвайзером ругательства. Пауза затянулась.

Первым Цвист, придавленный долгим молчанием своим и затянувшимся общим, неожиданно взвизгнул:

– Чего вылупился? В зоопарк пришёл?!

Парень и не посмотрел в его сторону, даже как будто и не слышал, но сделал шаг вперед.

– Кто из вас – мистер Анвайзер?

Фреди буркнул:

– Ну я... В чём дело?

Парень неторопливо подошёл к столу, пододвинул ногой стул с рваным сиденьем, снял с себя и аккуратно повесил на спинку стула кожаную поношенную куртку и сел. Всё это он

проделал ужасно медленно и невозмутимо. Фреди вопросительно, Дик с интересом, а Джимми со злостью смотрели на него.

– Мистер Анвайзер, – парень взял брошенный менеджером обломок клюшки и задумчиво повертел его в руках. – Я – Ник Раш. Условия: трёхкомнатный номер в отеле, машина, тысяча монет за матч и – никаких вопросов.

– А не соблаговолит ли многоуважаемый Ник Раш разрешить задать ему всего один вопросик? – необычайно цветисто прошипел Джимми. – Какой марки авто он предпочитает?

– «Альфа», – наконец-то взглянул на Джимми, и очень серьёзно взглянул Ник Раш.

Тот только и нашёлся, что хмыкнуть.

– И всё же не совсем понятно, старина, – не без иронии спросил добродушный Дик Обманн, – за номер-люкс, «Альфу» и тысячу монет ты будешь подбадривать моих ребят св истом с трибуны? Или, может, точить нам коньки?

– Всё намного проще, капитан, я буду защищать ворота «Гладиаторов».

Что это – наглость? Дик посмотрел на Фреди, тот на него.

– Но если ты знаешь, что я капитан, то должен быть в курсе, что в воротах у нас стоит Фол Браун, один из лучших вратарей лиги...

– Но и вы знаете, капитан, и вы, мистер Анвайзер, что игра Брауна бесцветна, как его фамилия. Он пропускает в среднем по две и три десятых шайбы за игру. Я подсчитал. Я же не пропущу ни одной. Есть разница?

Надо было видеть, как взбеленился Джимми Цвист. Ещё бы, оскорбили его лучшего приятеля, Фола, и кто оскорбил? Проходимец какой-то! А может, сумасшедший? Но пока Джимми подбирал самое труднопроизносимое ругательство, момент был упущен.

– Что-то не припомню я вратаря в лиге с такой фамилией, или вы играли за кордоном? – спросил Анвайзер.

– Нет, до этого я играл в хоккей только в детстве. Но я не пропущу ни одной, – веско повторил Ник Раш.

Может, что-нибудь во взгляде странного парня или в тоне его голоса подействовало на менеджера: что ни говори, а чутьё профессиональное у Фреди Анвайзера было. Да и чем чёрт не шутит, а вдруг? Уже и за соломинку впору хвататься.

– Ну что, Дик, испытаем? – толкнул он локтем капитана.

– Но учти, – проворчал Джимми, – если это хохма, если ты нас разыграл, несдобровать тебе! – И он с хрустом сжал корявые пальцы в отвратительный кулак, блеснувший в свете неона рыжей щетиной.

– Где форма? – спокойно спросил Ник Раш.

3

Лёд хоккейной площадки уже был протёрт машиной и однотонно блестел, словно и не крошили его в мелкие брызги пару часов назад коньки игроков. В огромном пустом зале слова отлетали от стен, точно шайба от борта.

Форма Брауна была великовата Нику, и он всё время её поправлял. Безобразная, похожая на череп маска была ещё сдвинута на затылок и смотрела пустыми глазницами в потолок.

Пока Дик и Джимми прокатывались по площадке, чтобы встряхнуть уже успокоившиеся мускулы, Ник Раш тихо сказал Анвайзеру:

– Я сейчас встану в ворота, и пусть они начнут бить только через десять минут, как только я надену маску на лицо. Не раньше. И ещё: ни в коем случае не разговаривать со мной во время испытания и десять минут после него, до тех пор, пока я не сниму маску. Запомнили? Им это сами объясните.

Анвайзер только пожал плечами – что ж теперь делать, надо идти до конца.

Ник Раш подъехал к уже установленным левым воротам, привалился спиной к верхней перекладине и застыл. Менеджер подозвал к себе хоккеистов.

– Ребята, на что надеется этот парень, неизвестно, но если он не шутник – вам надо выложиться. Ваша задача – засунуть ему как можно больше шайб. Учтите, от этого зависит судьба Фола. Начнёте, как только он наденет маску... Да, вот ещё что: не болтайте с ним в то время, пока он в маске. Это его условие... Не ворчи! – прикрикнул он на скривившегося Джимми.

Все трое уставились на Ника. Прошло минут пять.

– Точно говорю – чокнутый! – не выдержал Джимми. – Может, он издевается над нами? Встал, как крест на могиле, и торчит! Сволочь! Ублю...

Привычное ругательство на этот раз застряло у Джимми в горле. Он оторопело глянул на капитана и менеджера, у тех у самих на лицах натянулись растерянные улыбки. Чёрт-те что! Только что этот проклятый череп был у Ника на затылке (они все трое глаз с него не спускали!), и вдруг маска оказалась на лице! Когда он успел?

Фреди Анвайзер вынул из кармана чёрную литую таблетку шайбы и бросил на лёд:

– Поехали!

Джимми прилепил её к клюшке и, набирая скорость, понёсся по касательной к воротам. Дик заходил справа – на добивание. Этот приём у нападающих первой пятёрки «Гладиаторов» был отработан до автоматизма. Ник, согнувшись и совершенно не шевелясь, ждал.

Джимми уже увидел огромный треугольник в верхнем ближнем углу ворот и метров с четырёх сильнейшим щелчком ввинтил шайбу туда. Шайба, точно пуля по стволу ружья, не уклоняясь, должна была с колоссальной силой врезаться в створ ворот.

Дик уже перестал отталкиваться ото льда коньками, начал выпрямляться и по привычке поднимать клюшку вверх, приветствуя классный удар... И вдруг! Шайба исчезла в перчатке Ника! Нет, она не изменила полёта, просто рука вратаря оказалась на пути. Нападающие вытаращили глаза.

Ник сделал неуловимое движение, шайба упала на лёд и покатила под ноги Джимми. Тот даже как-то испуганно отпихнул её капитану.

Ещё ничего объяснить было нельзя. Да и что там объяснять – Джимми точно, на все сто процентов был уверен, что Ник Раш *не должен был, не успевал* брать эту шайбу. И всё же взял!

Джимми, стоя на одном месте, наблюдал, как Дик Обманн, лучший бомбардир лиги прошлого года, сделал для разгона круг и начал приближаться к воротам. На шайбу Дик не смотрел, взгляд его выискивал брешь в квадрате ворот. Он ударил с размаху. Джимми не то что увидел, а почувствовал, как Ник Раш молниеносно выкинул левую руку, и шайба скрылась в ловушке. Вообще-то движения даже и не было видно, но факт – шайба снова была у него в перчатке.

Дик и Джимми били, щёлкали, лупили, стреляли по воротам тяжёлым резиновым кружком, но всё было бесполезно: шайбу точно заколдовали – она прямо-таки прилипла к левой руке вратаря. И самое странное, что Ник Раш почти не двигался. Вернее, он оказывался то в одном, то в другом углу ворот, но ни начала, ни хода движения заметить было невозможно. Словно смотришь киноленту, в которой не хватает кадров.

Когда нападающие уже перестали вкладывать силу в удары, Анвайзер крикнул:

– Хватит, ребята, а то тут и свихнуться недолго. Оставьте его, – и, когда они подъехали с растерянными улыбками, утирая обильный пот на лицах, он, еле сдерживая дрожь в голосе, тихо сказал: – Всё, кубок наш! Дьявол он, сумасшедший или марсианин, но таких вратарей я ещё не видел. Это – супервратарь!

4

На первом матче ни публика, ни репортёры, ни противники ещё толком ничего не поняли.

«Гладиаторы» хотя и знали о феноменальных способностях нового вратаря от Дика и Джимми, но по привычке сначала ещё жались к своим воротам, когда ребята из «Плутона» (команды, занимающей второе место в таблице) нажимали. Но потом освоились, и под конец первого периода они уже почти не обращали внимания на тылы и яростно надели на ворота, в которых вскоре метался уже второй вратарь «Плутона».

Трибуны ледового зала ревели и клубились от суматошного крика:

– Глади-а-торы-ы-ы!.. Да-ва-а-а-ай!..

На табло светился давно не виданный счет – 14:0. На Ника Раша мало обращали внимания, потому что игра велась в основном у противоположных ворот. Лишь раза два-три, когда кто-нибудь из игроков «Плутона» прорывался один на один с голкипером «Гладиаторов» и тот неизменно забирал шайбу, раздавались пока ещё разрозненные крики:

– Браво, Раш!.. Кати-и-и их, Нии-и-ик!..

И о нём снова забывали. Только репортёр «Колизея» почему-то всерьёз заинтересовался новичком и потом, наклонившись к приятелю из «Вечёрки», сказал:

– Слушай, Дэс, как-то странно двигается этот Ник Раш – точно паяц прыгает... Ты не находишь? Да и в перерывах – не заметил? – его гурьбой провожают «Гладиаторы», будто он сам не может катиться... Странно!

Но Дэс отмахнулся: как раз у ворот «Плутона» началась добрая потасовка.

5

Зал давно опустел.

Сторож неторопливо бродил по закоулкам огромного здания, проверяя, все ли ушли. Но нет, из комнатки «Гладиаторов» доносился говор. Пока старик возился у дверей, подбирая какие-то обломки, он, разумеется, совершенно случайно, услышал кусочек разговора.

– ...пойми же, если ты не будешь пропускать ни одной банки, пойдут всякие слухи, медкомиссии, может, тебя даже попытаются убрать... Ненормально же это!

– Мистер Анвайзер, я ещё раз настоятельно прошу не тыкать мне. Мне это не нравится. А что касается, как вы выражаетесь, «банок», то пропускать я их не намерен. И без всяких объяснений. Не нравится? Могу перейти в другую команду.

– Ну что вы, что вы, вот, ей-Богу, горячий! Ну не пропустайте – вам же хуже... Но хотя бы через одну-две можно и клюшкой отбить...

Старик отошёл от дверей, покачивая головой: много он слышал и видел махинаций в этих стенах, но такого – хе-хе-хе!

6

Ник Раш вялой походкой вышел из ледового зала, медленно застегнул куртку на все пуговицы и пошёл к новенькой серебристой «Альфе», стоящей за углом.

Ноги были войлочные и во рту держался неприятный привкус, словно он жевал стеариновую свечу. Ник уж знал, что такое расслабленное состояние продержится часов шесть-восемь

после матча и потому старался не злиться. Он уже видел, как бьются жёлтые и красные листья о ветровое стекло машины, и уже полез в карман куртки за ключами, как дорогу ему преградила мужская фигура. Ник Раш молча остановился и стал смотреть парню в лицо, не вынимая рук из карманов. Ник узнал его, это был Фол Браун. Фол тоже помолчал секунд десять, смотря сверху вниз на Ника, потом оглянулся по сторонам и почти прошептал:

– Думаешь, тебе это даром пройдёт? Дерьмо! Сейчас я тебя убивать буду!..

Совсем близко из темноты вынырнула полицейская машина и медленно покатила рядом с тротуаром. Сквозь стекло один из копов подозрительно всматривался в неподвижно стоящих на ветру Ника и Фола. Ник заметил, как встревожено напрягся Фол и засунул что-то поглубже в карман – нож? кастет? «пушку»? Когда машина скрылась за углом, Ник Раш медленно разомкнул губы и спокойно сказал:

– Зря вы кипятитесь, мистер Браун. Вас возьмут в любую команду, и вы это знаете. Это – во-первых. А во-вторых, хочу предупредить вас, что я в совершенстве владею карате, а мне не хотелось бы...

Ник не договорил. Тяжёлый кулак Фола метнулся к его лицу. Но каким бы ни был удар резким, кулак пробил пустоту. И второй раз. И третий. В глазах у Ника застыла тоска. Он сделал неувимое движение правой рукой, вроде бы слегка прикоснулся остриями напряжённых пальцев к телу Фола, чуть ниже рёбер, и тот, сражённый страшным ударом, захрипел и начал оседать на мокрый асфальт. Взвизгнули появившиеся откуда-то две девицы.

– Ничего, через пять минут очнётся, – тихо сказал Ник Раш и, ссутулившись, пошёл к машине.

7

Больше всего в жизни Ник Раш любил одиночество. Он до дрожи, до судорог в мышцах любил одиночество. Но вот уже полгода, как Ник ещё сильнее любил Энн. Милую девушку с лукавыми тёмными глазами – Энн Лаллен. И потому он улыбнулся впервые за этот день, подъезжая к огромному отелю, в котором Анвайзер снял на его имя номер. Он знал, что крошка Энн уже давно ждёт его с нетерпением. И действительно, не успел он толком закрыть за собой двери номера, как смеющаяся Энн повисла у него на шее.

– Ник, милый Ник! Как я рада! Как я соскучилась! Ну, ну же!.. – и она подставила обжигающие губы.

Ник был ещё слаб, и у него закружилась голова от долгого, томительного и обещающего поцелуя.

– Подожди, Энн, дай отдышаться. Я прямо с ног валюсь.

Энн помогла ему снять куртку, усадила в кресло и заботливо прикрыла ноги пледом.

– Ник, представляешь, я сама заказала ужин! А горничная такая ва-а-ажная... Сейчас, раз-два-гоп!

Она выкатила из соседней комнаты столик с вином, фруктами, чем-то горячим в закрытом блюде и с торжествующим видом указала на него. Ник устало улыбнулся и погладил её по обнажённой до плеча детской руке.

– Ты бы знала, Энн, как мне хорошо, как уютно с тобой. Спасибо тебе!

Он посадил её себе на колени, обнял, расстегнул губами пуговичку домашнего, почти детского халатика и прижался пересохшим ртом к живому, горячему и порывисто дышащему телу.

– О-о, Ник, – простонала с улыбкой Энн, – а ужинать?

– Я так соскучился по тебе, Энн! – прошептал Ник.

8

Ветер разогнал тучи.

Мелкий нудный дождь кончился, и вместо него лился всепроникающий дождь лунного света. Он залил всю роскошную спальню, каждый уголок, придавая ей ещё больший блеск и усиливая холодность. Ник теснее прижал к себе Энн, ощутил её чуть влажную нежную кожу и вдруг непроизвольно передёрнул плечами.

– Один я здесь ни за что бы не уснул. Энн, может, правда, купим маленький уютный домик? Здесь всё чужое, холодное, блестящее... Я к этому не привык.

Энн помолчала, тихонько посапывая ему прямо в ухо, потом высвободилась из объятий и легла на спину. Её маленькие девчоночьи груди наивно выглянули из-под одеяла и облились ярким лунным светом. Она машинально положила на них ладошки и, сладострастно поглаживая соски, не открывая глаз, тихо заговорила:

– Нет, Ник, нет... Я столько мечтала об этом... Я столько мечтала! Все эти годы я только и видела в мечтах и во сне, что у меня есть собственная большая, большая комната... Большая! Что у меня собственная шикарная квартира... Собственная машина... Что я не считаю эти проклятые деньги! Я никогда, может быть, по-настоящему не голодала, но разве можно, Ник, разве можно изо дня в день есть одни бобы и сосиски! Одни бобы и сосиски! От них портится цвет лица... Они, проклятые, не лезут в горло, а их надо есть, надо жрать, иначе не выстоишь целый день за прилавком с этими дурацкими бумажными цветами!.. Нет, Ник, нет... Сколько раз я плакала в кино только потому, что там показывали людей, которые живут во дворцах, едят, что пожелают, и переодеваются несколько раз на дню... Я кусала губы до крови, чтобы не смешить рыданиями соседей... Я готова была визжать от зависти... Да, от зависти! – почти уже кричала Энн. – И теперь, когда моя мечта – вот она, в руках, ты предлагаешь, Ник, от неё отказаться? Жить в лачуге?..

Энн резко повернулась лицом вниз и заплакала.

– Энн, крошка, – Ник осторожно гладил её по матовому плечу. – Ты неправильно поняла меня. Дурашка. Будем жить, как ты хочешь... Ну, что ты? Успокойся...

– Нет, Ник, – смешно всхлипывая и по-детски утирая слёзы кулачком, сказала Энн, – я не хочу, чтобы тебе из-за меня было плохо. Ты просто не привык к этому... Ты просто не мечтал об этом и потому меня не поймёшь. Мы вот что сделаем, – она последний раз всхлипнула, глубоко, во всю мощь своих маленьких лёгких вздохнула и деловито начала загибать пальчики. – Заработаем много-много денег... ну, тысяч сто пятьдесят или двести – раз! Потом ты бросишь этот дурацкий хоккей – два! И тогда мы купим где-нибудь в Швейцарии или в Болгарии небольшую виллу – три! Хорошо? Только, Ник, тебе надо сразу же потребовать надбавки – теперь они не откажут. Завтра же, хорошо?

– Хорошо, Энн... Спи. Завтра так завтра. Только, девочка, виллы в Болгарии не продаются, – грустно улыбнулся Ник и подоткнул под плечо милой деловитой Энн атласное одеяло.

9

Уже на следующем матче благодаря фоторепортажу в «Колизее» с обширной подписью общее внимание было приковано к воротам «Гладиаторов».

Дотошный фоторепортёр сумел не только запечатлеть момент, когда шайба находилась в метре от вратаря, а он ещё и не думал к ней бросаться, но журналист умудрился рассыпать в подписи такие странные намёки, предположения, вопросы (во многом ему помог разговор со сторожем ледового зала), что слухи разрослись, словно грибы после дождя. Это была странная

картина: когда Ник Раш брал шайбу и потом выкидывал её под ноги, слышно было, как она ударяется об лёд. И зрители, и судьи, и даже игроки чувствовали себя как-то неудобно. Все были скованы.

Но игра не останавливалась. «Гладиаторы», верные избранной тактике, начали решительно насаждать на противника. В этот раз они дрались с «Титаном». Команда эта была знаменита тем, что в её составе играл Билл Фрош. Легендарный Билл Фрош! Убийца Билл Фрош!..

Убивал он или не убивал кого-нибудь – вопрос спорный, но удар у него был чудовищный. Любители хоккея даже и не припомнят, когда Билл последний раз уходил с площадки без «банки». Все вратари лиги молили Бога, чтобы он не выставил их один на один с Биллом Фрошом.

И момент настал.

Боб Бюффель не дотянулся, растяпа, до шайбы, посланной ему Диком Обманном, и её перехватил у красной линии Билл Фрош. Лягушкой, огромными скачками помчался он к воротам «Гладиаторов». Зал умер. Негромкий щелчок – шайба даже вроде бы с шипением исчезла в направлении Ника... И отскочила от подставленной клюшки. Билл, не сбавляя скорости, ударил по шайбе со звериной силой ещё раз. Его клюшка неминуемо должна была врезаться в голову вратаря. Но Ник успел нагнуться и снова отбить шайбу, а убийца Билл снёс ворота «Гладиаторов», опрокинулся вместе с ними и влип с грохотом в борт коробки...

И зал взорвался. Свист, хохот, аплодисменты, крики, кукареканье, дудки...

– Молодец, Нии-ик!.. По хребту-у их!.. Дава-а-ай!..

В одно мгновение вратарь «Гладиаторов» стал любимчиком трибун.

10

«Гладиаторы» с курьерской скоростью совершили рывок из нижней части таблицы в верхнюю и вскоре уселись прочно на самой её крыше.

Команда и так не страдала от отсутствия обожателей, теперь же на игры с её участием приходилось бросать дополнительные отряды полицейских. Имя Ника Раша не сходило с уст людей на стадионах, в метро, в кафе, на улицах... Заклучались пари: пропустит хоть одну шайбу или нет? Газеты давились броскими заголовками, в которых чаще всего мелькало слово «супервратарь». Но в большинстве своём заметки были так нелепы, издавали такое откровенное «кря-кря!», что ушлая публика старалась им не верить.

Разгадки же феномена ждать было неоткуда: сам Ник Раш категорически отказывался от встреч с журналистами, «гладиаторы» и даже сам Фреди Анвайзер толком ничего объяснить не могли. Всё тот же репортёр из «Колизея» сумел пронюхать о существовании Энн Лаллен, сподобился встретиться с ней и даже умудрился сфотографировать подругу супервратаря в фривольном домашнем неглиже, но и он вынужден был признать, что ни на йоту не приблизился к секретам Ника Раша. На все вопросы Энн только ответила:

– Я сама ничего не знаю. Ник сказал мне, что он может быть лучшим вратарём во вселенной, и я ему верю... Нет, в хоккей, как я знаю, он никогда не играл... Он учился в университете и что-то там исследовал, вот и всё... А его лучше не спрашивайте, скрытный – страсть!..

«Загадочным Сфинксом» окрестил Ника эмоциональный репортёр «Колизея». И Загадочный Сфинкс оправдывал свой титул – он методично и неуловимо для глаз продолжал забирать любые шайбы, лишь изредка отбивая их клюшкой. Всем было ясно, что «Гладиаторы» заберут кубок континента. Борьба в лиге теперь велась только за второе и третье места.

Фреди Анвайзер купил себе в центре города солидный особняк и красивый прогулочный самолёт.

11

Играли на своём поле.

Комната «Гладиаторов» почти опустела. Вся команда уже разминалась в коробке. Остались только Фреди Анвайзер, Дик Обманн и Ник Раш – уже в полном вратарском снаряжении. Он всегда выходил на лёд ровно за десять минут до начала матча, а сейчас оставалось ещё с четверть часа. Он по обыкновению молчал, но был в этот раз уж чересчур угрюм и задумчив.

– Что с тобой, Ник? – притронулся к его плечу капитан (только ему позволялась подобная вольность). – Ты словно как боишься?

Ник вяло пожал плечами, продолжая вертеть в руках маску-череп, как две капли виски похожую на маску Фола Брауна.

– И правда, мистер Раш, вы сегодня хреново выглядите. С перепоею или заболели? – счёл нужным поинтересоваться менеджер.

– Пить я не пью, вы знаете. И болеть пока не болею. Но меня хотят заразить. Свинцовым вирусом.

Ник вытащил из кармана куртки, висевшей на спинке стула, листок бумаги. «Получил по почте», – буркнул он и протянул его Анвайзеру. Тот вслух прочитал:

«Сегодня ты или же в первые десять минут пропускаешь банку или во вторую десятиминутку получаешь пулю в свой ослиный лоб. Выбирай. Доброжелатель».

– Ник, тебе нельзя выходить на лёд! – вскричал Дик Обманн.

– Почему же? А кем мы заткнём ворота? – встревожился Анвайзер. – Это пустые угрозы, блеф, шутка! Кто ж так подписывает, если всерьёз? Пусть для страховки проглотит одну банку, нам от неё ни тепло ни холодно...

Ник устало дождался, пока тот выплюнет все слова.

– Нет, мистер Анвайзер, о «банках» не может быть и речи. Я уже сказал это однажды. Времени мало. Слушайте, не перебивая. Я надеюсь вернуться от пули. Особенно, если будут стрелять с противоположной трибуны... Как? Я же сказал – никаких вопросов. Это будет трудно. Прошу тебя, Дик, особенно во второй десятиминутке не давайте мне играть. Нажмите по сильнее. Вы, мистер Анвайзер, приготовьте пару полицейских и не спускайте с меня глаз. Я покажу клюшкой, откуда стреляли.

12

Ник подкатился к воротам, облокотился на них и начал, как он называл это, *взвинчивать себя*.

Сегодня надо было достичь сверхпредела этого состояния. Он закрыл глаза, отрегулировал дыхание, напряг все мышцы тела и начал первый этап самовнушения. Он ощущал, как всё быстрее и быстрее бьётся сердце, как по рукам, по ногам, по спине пробегают судороги (не все мышцы одновременно начинали ускорение). Когда к горлу подступила тошнота и перед закрытыми глазами заискрились радужные диски, он резко перешёл ко второму этапу и, чуть погодя, – к третьему. Сразу наступила лёгкость, всё тело словно приподнялось надо льдом, и он стал чувствовать каждую клеточку своих мышц. Шум на трибунах начал замедляться и наконец сгустился так, словно виниловый диск 78 оборотов в минуту врубили на 33 оборота.

Ник умышленно затянул третий этап, чтобы подняться к вершинам своих возможностей. Он открыл глаза. Люди на трибунах для него теперь застыли в неподвижности, а хоккеисты плавали надо льдом с такой неестественной медленностью, словно это был киношный трюк. Всё в порядке. Ник постарался, как и всегда это делал, скоординировать свои движения, сде-

лать их как можно более плавными, чтобы хотя бы маленько замаскироваться, и всё же, он знал, с трибун его движения выглядят более чем странно.

Потекло томительное время. Он так и не привык к тому, что в этом состоянии минуты и часы для него растягиваются в тошнотворную бесконечность. Он уже прожил на площадке около двух часов, а на табло горела цифра «6».

Всего шесть минут! Обычно за матч он прожигал около двадцати часов собственной жизни, но сегодня эта цифра должна увеличиться в полтора-два раза. Не свалиться бы от усталости. Но тут в памяти возникло лицо Энн с её трогательно пухлой нижней губкой, и Ник взбодрился.

Он заметил, что к нему со скоростью бегущего муравья крадётся по льду шайба. Ник рассчитал примерно угол и плавно отослал её клюшкой в направлении Боба Бюффеля. «Что-то Цвиста сегодня не видно», – машинально подумал он и взглянул на часы: ещё чёрная бездна времени впереди!

Наконец, через несколько вязких часов на табло высветилась десятка. Теперь надо было напрячься. Он надеялся, что убийца постарается выстрелить в первые же секунды, и начал внимательный осмотр трибун по часовой стрелке. Во *взвинченном* состоянии зрение у него становилось в несколько раз острее. Он без труда видел каждую пуговицу на одеждах зрителей в верхнем ряду противоположной трибуны, так что пистолет он заметил бы сразу. Но всё было нормально.

И вдруг что-то заставило Ника резко обернуться. Он увидел в окошечке рядом со служебной дверью бездонную дырочку дула, увидел, как напрягся палец, нажимающий собачку, и заметил искорёженное страхом лицо над пистолетом. Он мгновенно узнал его и тут же понял, что спусковой крючок нажат. Он даже вроде бы успел разглядеть пулю, вырвавшуюся из дула, броском упал на лёд и в падении ощутил удар по шлему. Это было похоже на удар приличным камнем. К счастью, пуля скользнула по верху шлема и зажужжала к потолку. «Кто сейчас смотрит на меня с трибун, наверное, выпучил глаза», – мельком подумал Ник. Он встал и успел заметить, как медленно уплывает из окошка бледное лицо убийцы-неудачника. Это был Джимми Цвист. Ник мгновение поколебался, но потом всё же упёрся в направлении исчезающего лица клюшкой.

И держал её до тех пор, пока на это не среагировал Фреди Анвайзер.

13

Цвист польстился на пятьдесят тысяч монет.

Из предосторожности, что могут ещё найтись подобные *доброжелатели*, Нику приходилось теперь перед каждым матчем взвинчивать себя до упора. Но больше покушений пока не было. Зато объявился неумолимый враг внутри его самого – сердце. Оно не выдерживало таких циклопических нагрузок. Теперь после каждого матча Ник находился в полной прострации почти сутки. Во рту всё сильнее и постояннее ощущался вкус стеарина. Так долго продолжаться не могло.

Надо было кончать это медленное самоубийство.

14

Энн сидела с ногами в кресле, листала какой-то порнографический журнал, который только что купила на бульваре, то и дело всплёскивала руками и заливалась смехом.

– Ну и хохмачи!.. Ник, посмотри, умора!..

Халатик у неё задрался, и голые ноги с круглыми девичьими коленками трогательно и бесстыдно розовели в свете торшера. От неё веяло непосредственностью, уютом и чем-то родным-родным.

Ник, лёжа на неприбранной постели, любовался ею и никак не мог решиться начать разговор. Наконец он зачем-то откашлялся и сказал:

– Энн, послушай, нам надо поговорить. Дело в том... Понимаешь, Энн, я помню твои мечты, наши планы, но... мне надо бросать игру... Надо.

– Но, Ник, – ужасно удивилась Энн, – у нас же не больше тридцати тысяч отложено! Ещё год – не меньше! – надо играть...

– Энн, пойми, я не могу... Я умру. Это не шутки, Энн. Мы с тобой вместе уже год, но ты так толком и не знаешь, чем я занимался раньше и почему обо мне сейчас так шумят. Я понимаю, тебе это неинтересно, поэтому я и не рассказывал... Ещё в университете, Энн, я задумался над возможностями человеческого тела. Они безграничны. Или почти безграничны. Я начал копаться, Энн, изучать спартанскую систему, систему индийских йогов, начал штудировать разные научные работы, делать опыты... В общем, всё это долго объяснять, да и ты (не обижайся, Энн!), ты многого не поймёшь. Я выработал систему тренировок и начал работать над своим телом. Шесть лет упорнейшего труда! Шесть лет – и я достиг своего, Энн. Я в течение десяти минут могу привести своё тело в такое состояние, что оно начинает жить в несколько раз быстрее... Понимаешь? Я могу обогнать кролика и поймать его руками, могу догнать поезд... Да мало ли чего. О практическом применении своего изобретения я много думал, но не об этом сейчас речь. Мне хотелось, Энн, сделать тебя счастливой и богатой. Я отложил все планы и решил заработать деньги хоккеем. Но, Энн, я не учёл одного – сердце не выдерживает... Мне только тридцать один год, а сердце, я чувствую, старше меня уже раза в два... И притом все эти медкомиссии, угрозы (о покушении он не рассказывал) – кто-то хочет меня убрать или объявить ненормальным... Вот так-то, Энн.

Энн смотрела на него, широко раскрыв тёмные глаза и прижав к груди журнал с голой женщиной на обложке. Она о чём-то напряжённо думала, выпятив нижнюю вишнёвую губку. Слышала ли она?

– Ник, если я правильно поняла, ты так быстро можешь двигаться, что остальные для тебя, как торчащие манекены – да? Ник, что ж ты мне раньше не сказал! Ведь это потрясюще!

Она вскочила с кресла, кинулась на Ника ничком и, прижавшись к нему всем горячим телом и дурачась, облизала ему лицо. Потом она села на постели по-турецки, подняла вверх ладошки и воскликнула:

– Ну и дураки-и-и мы! Собираем эти несчастные крохи, а перед нами – миллионы! Миллиарды! Ведь, Ник, голубчик, когда ты взвинтишься, или как там это у тебя называется, ты же можешь куда угодно пройти, и никто, никто, никто тебя не остановит... Никто! В магазин! В банк! В любой дом! Ник, это же сказка!..

Она закрыла глаза, откинула голову, упиваясь воображением, и не видела взгляда Ника.

– Энн, – тихо сказал он, – Энн, никогда, прошу тебя, никогда больше не заикайся об этом. Я буду играть ещё год. Потребую ещё увеличить гонорар. Буду сотрудничать, быть может, с рекламой... Но разговора этого больше быть не должно, Энн.

– Но, Ник, мы же будем только богатых, – вскричала было Энн, но сразу же осеклась.

Правда, позже, ночью, после бурных и нежных ласк, которыми каждый из них заглаживал свою вину, когда Ник уснул, Энн заперлась в ванной и долго-долго там плакала. Потом убеждённо сказала сама себе в зеркало:

– Ничего, ещё не всё потеряно!

Ник только-только начал первый этап самовнушения, как вдруг раскалённая игла впиалась в сердце и начала там шевелиться.

Он сразу расслабился и осторожно вдохнул. Подождав минуты две, он снова напрягся и начал *взвинчиваться*. На этот раз первая стадия миновала благополучно. Ник переключился на вторую, и в ту же секунду в сердце впиался уже огромный гвоздь. От нестерпимой боли Ник резко переломился пополам. Сердце громило грудную клетку.

Как только боль утихла, он осторожно распрямился. Ему что-то кричал Анвайзер. Ник посмотрел на площадку – игра началась. С кем играли, он не знал (давно уже перестал интересоваться), но он знал, что «Гладиаторы» сегодня играют в белой форме. Значит, противники на этот раз – красные.

Что же делать? Он хотел подъехать к Анвайзеру, чтобы всё объяснить, но зачем-то решил попробовать ещё раз. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул несколько раз и начал. Сердце молчало. Ник уже заканчивал второй этап, уже прошла тошнота, как вдруг:

– Ни-и-ик!!!

Он очнулся. К нему мчались двое красных, и у одного под ногами болталась шайба. Ник удивился и растерялся – так всё было неожиданно. Он скинул на лицо маску и вдруг подумал, что если резко перескочить на третий этап, то, может быть, успеет...

Он сомкнул глаза, колоссальным усилием напряг все мышцы тела, и тут же толстый грабённый прут втиснулся в сердце и повернулся в нём. Ник почувствовал, как ворота ударили его в затылок, как ноги отрываются ото льда и как что-то задело его по маске...

Последнее, что он услышал – взрыв трибун. Шайба была в воротах...

ТВАРЬ

Рассказ

1

Кривить душой не буду: сердце у меня ёкнуло.

Ещё бы!

Так всё неожиданно, нелепо. Любой бы на моём месте струхнул. И, главное, я сразу понял: это – не галлюцинации, не бред. Вот что самое жуткое. Хотя я, конечно, поначалу и пытался себя убедить: мол – допился, голубчик, допрыгался.

Но я в тот день не так уж много выпил. Утром пива три кружки. В обед бутылку на двоих с приятелем разлили. Потом в кафе «Лель» я таки выпросил у Нинки, буфетчицы, сто пятьдесят, хотя кобенилась, сучка, кричала: пока, видите ли, пиво не продаст, водкой торговать не будет. Паскуда! Хлебом её не корми, дай человека унижить. Это она со мной, с *приятелем*, хотя и бывшим, так, а что она с простыми похмельными бедолагами вытворляет?

ТЬфу!

Так вот, домой я пришёл вполне в норме. Себя помнил. Разогрел суп. Распечатал банку бражки. Сам её квашу: слабовата, ещё не созрела, но к водке чуть добавит градусов. Пойдёт. Выпил кружку, супу похлебал. Супец жиденький, из консервов, третий день уже на лоджии киснет, но вроде ничего, есть можно. Я ведь потом, когда *это* началось, ещё подумал между прочим: не отравился ли я супцом?

Похлебал, посуду сполоснул – с этим у меня строго: порядок в доме какой-никакой должен быть, иначе очень легко окончательно в свинтуса превратиться. Животным быть не хочу.

Нацедил ещё порцию бражки, прихватил в комнату, включил телевизор. Жена с собой много чего забрала, «Горизонт» цветной тоже прихватила, так что мне вот этот недокормыш маленький и бесцветный остался – «Сапфир». Сверкает, долдонит чего-то и – ладненько. Засветил я его, кресло любимое откатил от стены, устроился. Сижу, потягиваю хлебобово, смотрю. Какой-то мордатый дядя в галстук, с щетинистой причёской, на кабана похож, нагло убеждает: мол, чтобы жить лучше – надо цены снова повысить. Осклабился похабно, харя мясистая лоснится: голодать, товарищи, полезно – врачи советуют...

Мерзавец!

Переключил на второй канал. И вот странно: телек бормочет, за стеной, слышно, вода в ванной у соседей журчит, за окном дети кричат и взвизгивают, а в комнате – тишина. Как бы луч звуковой от «Сапфира» падает, от стены лучик пульсирует, мелкие волны-крики из-за открытого окна всплещивают, а в остальном пространстве моей квартиры – вязкая масса тишины. Давящей тишины. Я то и дело без нужды откашливаюсь, нарочито соплю, всхлываю якобы над фильмом, гмыкаю, а порой даже и бросаю два-три слова в сторону экрана. Чёрт, надо было хоть Нинку сегодня вечером к себе затащить – всё живая душа. Чего там говорить, одному по вечерам тошно...

И вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд. Я как раз допил брагу, потянулся поставить кружку на журнальный столик, отвернулся от «Сапфира» и уловил отблеск зрачков. На меня кто-то пристально из полумрака смотрел.

Вот тут-то я ухмыльнулся и сказал себе: поздравляю, голубчик, – допился, допрыгался.

Я постарался сохранить беспечный вид, откинулся на спинку кресла, напряжённо уставился в экран. Напрасно: я всё время чувствовал – кто-то в упор на меня смотрит. Притом

откуда-то снизу, почти от пола. Спину враз зашекотали мурашки. Я передёрнул плечами, резко повернулся в ту сторону: два горящих в полутьме зрачка вперились в меня из угла.

Я громко произнёс в пространство:

– Так-так-так! Берём себя в руки. Ус-по-ка-и-ва-ем-ся. Три раза глубоко вдыхаем. И – смотрим телевизор.

Трижды вдохнув, я демонстративно потянулся, резво подрыгал ногами и старательно приклеил взгляд к дрожащему студню телеэкрана.

Безуспешно. Через минуту я, не выдержав, скопился – светящиеся точки из темноты угла буравили меня.

Чёр-р-рт! Я вскочил, опрокинув кресло, кинулся к стене, врубил верхний свет. Обернулся: угол – пуст.

Переведя дух, я погладил через рёбра прыгающее сердце, ещё раз, уже облегчённо, чертыхнулся: нервы, чёрт бы их побрал! Впору валерьянку начать пить вместо водочки и бражки. А кстати – хлебнуть бы надо, для успокоения.

Свет я не выключил. Пошёл к столику за кружкой. И вдруг решил: дай-ка гляну за шифоньер. На всякий случай. Между боковиной шкафа и стеной чернела ниша. Сверху заглянуть в неё трудновато: труба отопительная мешает. Внизу же она изгибается к батарее, пространство – пошире. Я встал на колени, подсунул голову под трубой к самой стене, посмотрел в нишу...

– Ах! Ой!..

Отпрянув, я шарахнулся виском о проклятую батарею. В глазах потемнело.

За шифоньером сидела, прижавшись к полу, какая-то *тварь*. Она походила на грязно-белую кошку. Может, и в самом деле – кошка? Но уж больно взгляд осмысленный и неестественно горящий, да и морда какая-то странная – крупная, несоразмерная с телом, уродская.

Секунд десять я, перемогая боль в голове, корячился у батареи. В мозгу тюкало одно и то же: бред... двери были закрыты... Бред! Двери закрыты!

Наконец я опомнился: ах ты тварь! Я вскочил, бросился в ванную за шваброй. На бегу глянул в кухню: а-а-а, вон что – на лоджию-то дверь распахнута... Но ведь – пятый этаж!.. Однако ж, думать и гадать пока некогда.

Выставив швабру ручкой вперёд, я сунулся в нишу – пусто. Я снова упал на четвереньки, заглянул в узкую щель под шифоньером. Никого. Пополз по периметру комнаты, заглядывая под тумбочку, под диван, под стол...

Ха, конечно, – почудилось! Фу-у-у... Однако ж... Хе-хе! Шуточки плохи...

Я отключил бубнящий телевизор, отнёс швабру на место, постудил висок под краном, выпил ещё кружку бражки и, постелив, лёг спать.

Эх, хорошо бы сразу уплыть в сон, но – куда там. Колючие мысли засвербели в голове, не давали боли успокоиться. Да-а-а, тварь эта мерзкая привиделась мне, понятно, неспроста – сигнальчик, звоночек. Я и сам в последнее время подспудно чувствовал: порю хреновину, так недолго и брыкнуться. А жить-то, братцы вы мои, ещё очень даже хочется и желается. Да ладно, если кувыркнёшься, голубчик, а что, не дай Бог, если крыша совсем съедет? Будешь по квартире на карачках ползать и слюни до полу распускать...

Откровенно говоря, я не ожидал, что так скоро начнутся вот такие всякие проблемы. Всего полгода, как я живу один. Я давно мечтал об этом празднике одиночества. Как же я ненавидел порой жену свою, готов был, кажется, убить. Скандалы, скандалы, сплошные скандалы. Особенно стали они хроническими и горячими, когда мне пришлось уйти с прежней постоянной службы. Не то что поддатым, даже с запахом домой придёшь – визг, тарарам, слёзы.

В один из вечеров сцена вышла уж совсем чересчур безобразной. Я был только слегка подгазован, чуть-чуть на взводе. Невыносимо хотелось выпить ещё. Хотя бы глоток. Я знал: у жены в заначке хранится бутылка шампанского – к Новому году. Я понимал: просить бес-

полезно. Жена сидела сзади на диване, вязала. Я – в кресле, смотрел телевизор. И как назло, показывали фильм дурацкий, где каждую минуту пьют и пьют – только пробки хлопают.

Где же у неё может быть «шампунь» запряган? Я позевал, похрустел суставами.

– Ну его, это кино дебильное, пойду лучше чайку хлебну.

И замер: вдруг благоверная моя тоже загорится чаю попить? Но она, ворчнув: «Тебе всё бы хлебать», – отпустила меня с миром. На кухне я для блезиру поставил с грохотом чайник на плиту и бросился шарить по шкафам. Тщетно. Чёрт её подери, наверное, в комнате где-нибудь заныкала... Стой-ка, стой-ка, а – ванная?

И точно, в шкафу со стиральными порошками и мылом покоилась праздничная бутылка. Потев от усилий и страха, я бесшумно свернул ей на кухне блестящую головку, нацедил в чайную чашку шипучей радости, залпом заглотив. Чуть не закашлялся. Быстренько налил новую порцию: скорей, скорей!

Но дверь из комнаты уже хлопнула, приоткрылась кухонная. Я сунул бутылку под стол, бросился к жене, вытолкнул её обратно в коридор.

– Уйди отсюда! Уйди, я сказал!

– Что ты там делаешь? Что ты там, подлец, делаешь? – с ходу завизжала она. – Тварь ты такая! Как ты посмел шампанское взять?..

Я, стиснув зубы, держал дверь. Жена её дёргала, била. И – трах! – рифлёное стекло разлетелось в мелкие дребезги. Лицо жены – страшное, перекошенное. Кулак её окровавленный. Она, распахнув донельзя рот, завывала в голос.

Мне бы остановиться, но я захлебнулся злостью, тоже взревел, взвыл от ярости, схватил тяжёлую бутылку из-под стола, замахнулся... Жена, подавившись криком, отскочила, прикрылась красным кулаком. Я жажнул бутылку о край стола.

– На-а-а, дура! Подавись своим паскудным вином!..

2

Я понял: уснуть вот так сразу не удастся.

Мысли-воспоминания давят – это бы ладно. Однако ж, и наваждение не кончается. Я изо всех сил склеивал веки, но продолжал ощущать на себе чужой упорный взгляд. Я же убедился: никого в комнате нет. Чего ещё надо? Нет, нет, нет! Ни-ко-го. Я – один.

Чуть разлепив ресницы, я всмотрелся в темноту. Два зелёных фонарика висели над мной. Усилием воли я заставил себя не шевельнуться, распахнул глаза во всю ширь: светящиеся зрачки не исчезли. Надо ж было – эх, не подумал! – шторы открыть. В такой тьме что угодно может пригрезиться. Стараясь двигаться плавно, я выпростал правую руку из-под одеяла, занёс её за голову, нашарил тумблер торшера, щёлкнул.

Тварь!

Когда я сплю один, диван-кровать раскладывать нет смысла – постилаю так. И вот теперь на возвышающейся спинке дивана, прямо над моим лицом сидел этот грязный кот, хищно всматривался в меня. Пасть его щерилась совсем по-собачьи: вот-вот, и он вцепится мне в горло.

Скорее от страха, чем осознанно, я наотмашь шарахнул тварь правой рукой по морде. Зверь отпрыгнул, клацнул клыками, выгнул спину, вспушил хвост.

– Брысь! Пшёл, сволочь!

Я вскинул одеяло, хотел накрыть, поймать урода, но он громадным прыжком махнул на тумбочку с радиолой, оттуда – на журнальный столик. Я бросился к нему, запустив тапком. Кот зыркнул на меня бешеным взглядом, сиганул на штору, в мгновение ока повис под самым потолком. С ходу я вцепился в шторину, с проклятием рванул вниз. Гардина рухнула, я еле

успел увернуться. Тварь с шипением перемахнула на телевизор, чуть не сорвалась, заелозила по стеклу лапами. Я пнул её с размаху, но угодил по экрану и присел от боли. «Сапфир» вцепился в стену и тяжело грохнулся об пол. Враг мой сгинул без следа.

Снизу, от соседей раздался настойчивый стук: кончай шуметь! Я глянул на часы – полвторого ночи. Голова раскалывалась, трещала. Прихватив с собой флакон одеколона, я плотно, на защёлку затворил комнатную дверь. На кухне я разбавил «Гвоздику» водой, преодолевая тошноту, запихал в себя отвратную мутную смесь, залил сверху брагой. Ну всё, докатился, дошёл окончательно – одеколон начал жрать. Но, вроде, полегчало. Вскоре я отключился прямо на стуле, уронив голову на липкий стол.

Ах ты тварь такая! Горло мне хотела перегрызть. Шиш тебе с хреном!

Я ещё поживу...

3

Наутро, разбитый и вконец больной, я, стараясь не смотреть по углам и не обращать внимания на кавардак в квартире, оделся, выпил кружку своего *лекарства* и ушёл.

В те дни я подрядился продавать исторический роман «Ярмарка» местного автора Яковлева. Каждая книжка стоила девять рублей, из них рублишко – мой. Часам к пяти вечера я наторговал себе восемнадцать целковых. Хватит. Домой идти не хотелось. Куда же податься? Да в «Лель», конечно, больше некуда.

В этом заплёванном гадюшнике я проторчал до самого закрытия. Хорошенько вдарил. Намешал пива с водкой так, что закачало. Вот и славненько! Ещё Нинку прихватить с собой, и – никакие твари нам не страшны. Хе-хе! Мы и сами, когда вмажем, – как твари.

Но Нинка меня ошарашила:

– Не пойду, и всё.

– Да как это ты не пойдешь, сучонка ты разедакая?

– А вот так, не пойду, и всё, промежду нами всё закончено!..

Упёрлась и – ни в какую. Я и просил, и грозил, и умолял. Даже пытался было всё как есть объяснить: дескать, тварь какая-то в доме завелась, страшно мне одному. Куда там! Нинка как про тварь услышала, окончательно, дрянь такая, заартачилась. Ладно, плюнул я, требовал у неё откупную бутылку взаймы, поплёлся один.

Дома я первым делом заглянул в комнату, включил свет. Мерзкая тварь с хвостом сидела на самом виду, посреди комнаты, злобно на меня зырилась. Надо бы испугаться, но выпивка надёжно бодрила. Я смачно харкнул в сторону зверя, обложил его матерно, ушёл на кухню. Нахлопал полный стакан водки, достал горбушку хлеба, вскрыл консервы. Сейчас булькну залпом двести пятьдесят и – бай-бай. Пусть хоть вся преисподняя здесь шабаш справляет. Я приложился к краю стакана и, запрокидывая голову всё сильнее, начал медленно втягивать тёплую муторную жидкость.

Вдруг что-то тяжёлое и мягкое ударило меня в затылок. В лоб впились острые иглы когтей. Нестерпимая боль пронзила голову. Я вскрикнул, дёрнулся, опрокинулся навзничь вместе со стулом, хряснулся теменем о плитус.

Тут же вскочив, я зажал лоб ладонями, чувствуя – кожа содрана, сочится кровь. Кот, изогнувшись дугой на столе, напряжился, вот-вот снова на меня прыгнет. Сердце у меня стиснуло: почему он меня совсем не боится? Почему?! Я, с ужасом глядя на взъерошенную дикую тварь, пошарил рукой сзади себя: чем бы её садануть? Если она ещё раз в меня вцепится, я заору на весь дом.

Рука наткнулась на кастрюльные крышки: они сушились на стене в специальном ярусном каркасе. Выхватив нижнюю, самую тяжёлую, я запустил её в кота. Тот увернулся, соскочил

на пол. Я цапнул другой эмалированный диск, с маху швырнул: на! Он, вращаясь, разрубил бы тварь надвое, если б попал. Но – опять мимо. Ах, тебе мало? Не боишься, гадина? Зверь презрительно меня рассматривал. Я сгрёб двумя руками чайник с плиты и обрушил на кота: гром, грохот, звон, брызги... Тварь, наконец, растворилась за дверью. Снизу послышался раздражённый стук.

Да пошли вы!

Я опустился на стул и сидел, застыв, с полчаса, тупо уставившись на бутылку. Потом налил водки в ладонь, смочил израненный лоб, заскрипел зубами. В бутылке плескалось ещё порядочно. Хотел налить в стакан, но, удивив сам себя, опрокинул поллитровку над раковиной, вытряхнул всё до последней капли. Посидел ещё, подумал, достал из-за стола пятилитровую банку с остатками браги, тоже слил в канализацию.

В ванной глянул на себя в зеркало: ничего себе – видок! Словно в драке побывал. Залез под холодный душ, полоскался, пока не посинел. То и дело в голове мелькала мыслишка: не кликнуть ли соседей на помощь? Однако ж, чёрт его знает: упекут ещё в психушку. Соседи у меня те ещё типы, да и любовью ко мне не пылают – жена постаралась в своё время, настроила.

Хмель окончательно выветрился. Голова, хотя и гудела, но работала ясно. Я прошёл в комнату, всмотрелся по углам – пусто. Где же может он прятаться? А-а-а, да вот же где! Я подкатил журнальный столик к шифоньеру, на столик взгромоздил стул, вскарабкался, заглянул на антресоль. Так и есть, кот лежал на самой верхотуре.

Он опять вёл себя как-то странно: лежал *обыкновенно*, по-кошачьи, укрылся хвостом, спокойно, мирно щурился на меня золотыми щёлками зрачков. Ещё бы замурлыкал, подлец, тогда б вообще идилия. Словно не он час тому назад чуть не выцарапал мне глаза.

Я смотрел на кота в упор, но ни страха, ни злости в себе тоже не находил. Устал, видимо. Вдруг мысль юркнула в мозг: уж не моя ли это благоверная? А что? Она ж ведьма ведьмой. Обернулась хвостогой тварью и терзает теперь меня, мучает...

Впрочем – бред. Пора кончать. Я спустился, принёс из кухни консервы, которые чудом каким-то устояли на краешке стола, подsunул банку коту (или кошке – чёрт там разберёт) под нос. Зверь хмуро на меня взглянул, равнодушно свернулся калачиком, затих. Почему он ничуть не тревожится? Ведь я могу схватить его сейчас и... А что, если топорик отыскать?

Кот, словно учуяв мои мысли, приоткрыл один глаз: мол, хватит глупостей.

– Ну и бес с тобой, – устало сказал я и оставил его в покое.

Только лишь я коснулся подушки головой, как провалился в тёмную, бездонную – без сновидений – пропасть.

4

Бывшая тёща искренне обрадовалась, увидев меня на пороге.

Это меня вдохновило. Мы с ней вопреки поговоркам-анекдотам друг на дружку никогда не злобились. Журила она меня, бывало, за лишнюю рюмашку, но – жалостливо, с сочувствием. И когда доводилось ей при баталиях наших семейных присутствовать, чаще мою сторону держала, дочку свою от излишней злобы урезонивала.

Жены дома не оказалось – в баню она пошла. Я вспомнил: сегодня же воскресенье – Божий день. Значит – Бог в помощь. Тёща начала удерживать: здесь дождись, чай вот закипел, щи разогреваются. При слове «щи» я сглотнул слюнки, но всё ж решительно взялся за ручку двери: пойду встречу. Ждать не было сил.

Городская баня дымила на соседней улице. Я встал у крыльца и вскоре увидел свою Галину Фадеевну. Она меня не заметила. Шагов полста я шёл за ней вплотную в странном волнении, никак не находя решимости окликнуть. Наконец проглотил ком в горле.

– Галя!

Она обернулась и – вспыхнула, качнулась ко мне. Лицо её, розовое, сияющее, было детски беззащитным без косметики, милым и родным. Но тут же она нахмурилась, насупилась, отступила на шаг.

– Чего тебе? Зачем припёрся?

– Галь, не надо... Я прошу... Я по-серьёзному...

Меня бодрила-подбадривала её первая реакция, произвольная: не безразличен же я ей?

Долгим, тяжёлым, мучительным, изматывающим получился тот наш разговор. Жена поставила жёсткий ультиматум: лечиться. Как я ни корчился, ни извивался – пришлось согласиться. Тёща по радостному случаю обрадовано колготилась, потчевала меня соленьями-вареньями и всё приговаривала:

– Так-то лучше, ей-Богу. Мирком да ладком – оно и справнее. Без водочки-то куда как слаще жить...

Она знала, что говорила: муж её, Галин отец, сгорел от пьянства.

5

– Ты кот завёл? – жена удивлённо разглядывала грязно-белое животное.

Я тоже с неприятным удивлением воззрелся на тварь, которая – вот новости! – задрал палкой хвост, делала поползновения потереться о наши ноги. В глубине души я надеялся, что этот мохнатый чёрт с появлением жены исчезнет из квартиры напрочь. И вот – здрасте вам! – чуть не ластится, корчит из себя мирную домашнюю живность.

– Да скучно одному было, – пробормотал я. – А тут он или она, до сих пор не знаю, появился. Через лоджию, что ли, влез.

– Через лоджию?

– А что ты думаешь, коты, знаешь, какие шустрые.

– Ты хоть помыл бы его.

Я невольно хмыкнул. Помыть... Такого зверя, пожалуй, помоешь.

Но, как ни поразительно, жена без лишних разговоров действительно прополоскала кота (он оказался всё же «мужиком») в тазу с антиблошинным шампунем. Кот мирно фыркал и не царапался. Он вообще теперь притворялся обыкновенным домашним котом. Небольшие, правда, странности за ним остались. Он, например, не ел. Совершенно. По крайней мере, на наших глазах. И не гадил. Оно бы и к лучшему, однако ж – раздражает. Как же это: живое существо и не ест? И ещё: почему эта тварь не мурлычет, не мяукает? Немая, что ли? Да разве бывают кошки немые? Бред какой-то!

Пробовал я ещё пару раз шугануть зверя из квартиры, но быстро отступался. Кот мгновенно впадал в ярость, раздувался до чудовищных размеров, изговывался к прыжку. Это поддому можно с такой дикой тварью сражаться, у трезвого – коленки слабоваты. Чёрт с ним, ещё перегрызёт ночью горло...

Ладно, как-нибудь всё образуется, потом, когда жизнь окончательно и полностью в нормальную колею войдёт. Пока же я старался не обращать внимания на мохнатого выродка, да и не до него было: каждый день таскался в клуб трезвости «Оптималист» на лечебные сеансы, искал работу, вечера проводил у жены с тёщей. Гале же странности кота в глаза особо не бросались: она, по уговору, жила пока у матери, дома бывала изредка. Раз только мимоходом спросила:

– Ты его к порядку приучаешь? Надо в определённые часы ему дверь в туалет открывать. Приучаешь?

– Ха, учёного учить... – скривился я, но, чтобы замять разговор, успокоил: – Приучаю, приучаю, уже почти приучил.

Для себя самого успокоительное объяснение странностям кота я вроде нашёл: двери на лоджию всегда открыты, он шастает на улицу, там и ест, и пьёт, и всё такое прочее. Пятый этаж? Такой твари – хоть десятый. Тварь она и есть тварь. Тем более, когда совсем даже не Божье, а – чертовское создание.

6

Я сбился с ног. Устал.

Часа три уже мотаюсь я по городу. Моросит дождь. Проклятый октябрь! Я совершенно продрог. И главное, что бесит – впусую бегаю. Во всех магазинах – хоть шаром покати. Лишь опухшие от безделья, зевающие продавщицы. Просил, унижался, чуть не плакал. Ну ведь есть же у них под прилавком, есть, я знаю. Собаки наглые! Ещё голос повышают, покрикивают.

Мне надо одну только бутылочку. Хоть чего. Хоть паршивой «Стрелецкой». Хоть портвейну вонючего. Хоть... Чёрт, может, одеколон дешёвый есть?

Я вприпрыжку помчался в универмаг. Ха! Французская туалетная вода за сто сорок. А у меня всего-навсего – червонец. Ни копыа больше. И Нинка, корова потная, как назло в отпуск ушла. Приспичило ей. Где ж взять-то? В кабаке четвертной надо, да ещё – выпросишь ли? И – деньги, деньги, деньги!

Я глянул на часы, уже шесть вечера... Стоп, ребята! Это идея. Часы у меня приличные: «Полёт», восемнадцать камней, будильник. Таким в наши дни цена – за две сотни. Я срываю их с руки: скорей, скорей!

Однако ж, торгашом быть, оказывается, совсем не просто. Покупателя надо бы за грудки хватать, а я вместо этого мямлю, краснею, отвожу взгляд.

– Ворованные, што ли? – глумливо кривится плюгавый лысый старикан.

Видела бы моя покойница матушка, до чего я дошёл. Впрочем, это всё скоро кончится...

И тут меня осенило: надо – в духе времени – бартер проверить. Я кинулся в «Лель». Сменщица Нинки, расплывшаяся размалёванная баба в кудряшках, чуть-чуть меня знала. Я без обиняков сунул ей под толстый нос часы и мятый червонец: нужна бутылка. Мерзавка поманежила меня, помучила, но мне отступать было некуда – упротил.

Домой я бежал рысью. Скорей, скорей, уже невмочь. Только б Галя не припёрлась. Я уже не могу ждать, не могу...

Кот, взъерошенный, свирепый, сидел в прихожей. Я не удивился, знал, что так будет. К чёрту! Я с порога, не раздумывая, шуганул его пинком.

– Пшёл!

Он увернулся, шарахнулся прочь, бессильно сверкнул фосфорным взглядом.

– Потерпи, тварюга! – прикрикнул я. – Сейчас по-твоему всё будет, позабавишься.

Замки я запирать не стал, только накинул цепочку, чтобы сразу можно было догадаться: я – внутри...

7

КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Сегодня утром в доме № 8 по улице Энгельса обнаружен труп гражданина А. По предварительным данным, гражданин А. более года назад был уволен по сокращению. Нигде не работал, сильно пил. Попытки лечиться от алкоголизма в клубе «Оптималист» результатов не дали. Месяц назад гражданину А. с его согласия было

вшито в мышцу средство «эспераль» (так называемая «торпеда»), полностью исключаящее употребление спиртного. Причиной смерти А. и стала водка: опорожнённая бутылка валялась рядом с трупом.

Обнаружена записка странного содержания: «*Не могу больше видеть кабанов, призывающих голодать!!!*», — которая предполагает версию самоубийства. Не исключено, что А. был болен белой горячкой. На магнитофонной кассете обнаружены также весьма странные записи о каких-то «тварях» и «чертях», надиктованные голосом А.

И ещё одна деталь: на лице и горле трупа имеются кровавые царапины и ссадины. Предположительно, это следы кота, который, по словам бывшей супруги А., жил последнее время в квартире. Однако самого кота обнаружить не удалось.

МУРАВЬИ

Ненаписанный роман

Эти две газетные заметки из криминальной хроники, и правда, казалось бы, никак между собой не связаны.

Ни на первый взгляд, ни на второй, ни даже на десятый или сотый. Если не брать во внимание, что обе появились в сводках пресс-службы УВД в прошлом году и обе сообщали о довольно-таки загадочных происшествиях, каковые не столь уж часто случаются в нашем полусонном Баранове.

Но – по порядку.

Первая информация появилась в местных газетах в конце мая. Из неё наш барановский обыватель узнал следующее:

ИСЧЕЗ ПРОФЕССОР

Ещё на прошлой неделе бесследно исчез профессор университета им. М. Е. Салтыкова-Щедрина доктор биологических наук В. П. Сеницын. Помимо преподавательской деятельности профессор Сеницын занимался на кафедре зоологии исследовательской работой в области энтомологии, связанной с жизнью и поведением так называемых общественных насекомых – пчёл, ос, муравьёв и пр. Имя его широко известно в научных кругах. На работе последний раз его видели в пятницу, когда он принимал зачёты у третьекурсников. В понедельник профессор в университет не явился. Телефон его на звонки не отвечал. Последние два года, после смерти жены, Сеницын проживал один в двухкомнатной квартире. Один из его соседей видел, как в пятницу поздно вечером профессор Сеницын вышел из подъезда в сопровождении двух мужчин, сел в красную иномарку с тонированными стёклами (предположительно – джип) и уехал в неизвестном направлении.

Всех, кто может что-либо сообщить о местонахождении профессора Сеницына просим позвонить по телефону 02.

Вторая заметка появилась ровно через неделю.

СМЕРТЬ БИЗНЕСМЕНА

В минувшее воскресенье разыгралась трагедия в Пригородном лесу. Здесь примерно в половине десятого вечера в коттедже известного в Баранове предпринимателя, владельца сети автозаправочных станций «Фокус» и депутата областной думы О. И. Быкова раздался взрыв и затем вспыхнул пожар. Так как особняк Быкова находится в уединённом месте, в лесу – пожар был замечен не сразу. Только спустя полчаса проезжающий по трассе наряд ГИБДД заметил за деревьями отсвет огня. На пепелище в развалинах бывшего двухэтажного коттеджа обнаружены останки трёх мужчин – самого Быкова и двух его охранников. Причины происшествия выясняются.

Я, видимо, не обратил внимания на эти заметки, тем более, что местные газеты беру в руки редко, а уж убойно-уголовную хронику не смотрю вовсе. Но как-то встретил на улице старого знакомого, майора Потапова. Он поздоровался и, как всегда, угрюмо сказал-предложил:

– Ну что, господин сочинитель, хотите – *сюжет для небольшого рассказа* о нашей поганой жизни подкину?

За последний год, что мы не виделись, Потапов ещё больше обогатился по части живота и лысины. Когда-то, в дни нашей юности, я заведовал «культурным» отделом в областной молодёжке, а лейтенант милиции Потапов без усталости таскал мне свои вирши. Два или три его ужасных стишка я тогда всё же тиснул, за что Потапов мне по гроб жизни благодарен, хотя, слава Богу, муз поэзии, двух глуповатых сестричек Эрато и Эвтерпу уже давненько насиловать перестал. Правда, он каждый раз после прочтения моей очередной книги всё более серьёзно и убеждённо грозит жарко полюбить, наконец, и третью сестру – Каллиопу, иными словами, тоже мечтает написать роман-эпопею под каким-нибудь убойным названием типа «Записки барановского мента». А пока время от времени подкидывает мне сюжетцы из своей богатой шекспировскими страстями криминальной практики.

– Сюжет? – ответил я, как всегда, чуть с иронией, – Заманчиво, но... Вы ж, господин майор, отлично знаете: я не Чехов, небольших рассказов не пишу. А что, сюжет ваш – на роман детективный не потянет?

– Может, и потянет, – ещё угрюмее пробурчал Потапов, – Только тут не детективом пахнет, тут – фантастика... Загляните при случае ко мне на службу – не пожалеете.

Случай как раз вскоре и представился: приспичило мне, вернее, государству, мой паспорт обменять – на новый, безнациональный. Пришлось переться на Первомайскую, в наш милицкий «пентагон»: здание барановского УВД хотя и не имеет форму пятиугольника, однако ж площадь занимает, поди, не менее военного ведомства США – многоэтажная махина на целый квартал. Заглянул я, конечно, после паспортного стола райотдела и в кабинет майора-пиита на третьем этаже. К слову, несмотря на свою, скажем так, совсем не геройскую внешность, майор Потапов слывет опытным следователем, но при этом высот служебных не достиг, да и на пенсию лет через десять, скорей всего, так и пойдёт в однозвёздочных погонах. Объяснить это несложно – никакого дедуктивного метода не надо: в наши времена, когда повсеместно правят всем и вся обыкновенные натуральные бандюки, доморощенные мафиози, когда, по слухам, даже самый главный наш мент-генерал принимает ежемесячно свою долю-дань из бандитского общака, майор Потапов честно и за одну зарплату да небольшие премии вылавливает всякую мелкотравчатую воровскую шалупонь, подправляет в плюсовую сторону милицескую статистику. Я, может, и правда когда-нибудь напишу роман о майоре Потапове и назову его – «Антигерой нашего времени»...

Потапов, показав мне заметки о пропавшем профессоре и погибшем бензиновом короле-депутате, и задал загадку: что же может связывать два эти сообщения криминальной хроники? Я, разумеется, лишь пожал плечами. Ну, какая тут может быть связь? В абсолютно разных мирах, на разных планетах герои заметок жили-обитали, хотя прописаны были в одном чернотёмном городе Баранове, ездили по одним и тем же улицам: профессор – в троллейбусах, бизнесмен – в «мерседесах»...

Потапов хитро прищурился (а как ещё могут прищуриваться майоры-детективы!) и подвинул на мой край стола несколько листков бумаги, скреплённых скрепкой и с пришпиленным конвертом.

– Посмотрите, почитайте – это почище Конан Дойла с его «Маракотовой бездной» будет... – И, помолчав, прибавил. – Я Синицына-то немного знал – наши дачные участки рядом.

Попивая растворимый кофе из стакана с допотопным подстаканником (а в чём ещё могут кофе-чай подавать в милицеско-следовательском кабинете!), я взялся читать:

* * *

Здравствуйтесь, тов. А. Н. Потапов!

Зная Вас как за исключительно честного человека (слухами земля полнится), обращаюсь именно и персонально к Вам. Тем более, что мы с Вами, в какой-то мере, знакомы. Не знаю, как оформляется явка с повинной, но прошу данное письмо считать именно таковой. Дело в том, что я, Синицын Виктор Петрович, профессор БГУ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1945 г. рождения, проживающий по адресу г. Баранов, ул. Интернациональная, 54, кв. 289, вдовец и т. д. (что ещё надо указывать – не знаю), скорее всего, непосредственно и прямым образом виновен в гибели гр. О. И. Быкова, о которой узнал случайно только сегодня.

Дело было так. Быков – мой бывший студент. Учился он отвратительно. Вы, конечно, знаете, кто его папаша (я имею в виду – по чину и деньгам), так что Олег Быков посещал едва ли половину лекций и семинарских занятий, зачёты получал автоматом, а на экзаменах приходилось натягивать ему тройки, а то и четвёрки – таков был приказ ректората. Для меня долго оставалось загадкой, почему он осчастливил именно наш биофак, но потом, позже, он сам мне пояснил: ему «по фигу» было, на каком «факе» «кантоваться», лишь бы диплом для «шнурков» получить. А устраивало его местоположение нашего учебного корпуса – в самом центре города, на Советской, – в котором, кроме нашего биологического, располагаются ещё иняз и филфак. Дальнейшее он мог и не пояснять: действительно, не в гуманитарии же ему было идти – это уж совсем «западло».

Так вот, я с Быковым, после того, как он получил свой диплом (хорошо хоть не красный!), практически не встречался, но слышал и знал, как он процветает в бензиновом бизнесе (вряд ли, я думаю, ему помогали в этом даже те крохи знаний по химии, что он получил за время учёбы!). Два года тому вдруг и совсем неожиданно встала страшная альтернатива: жить моей жене Клавдии Михайловне или умирать. На операцию требовалось 5000 (пять тысяч!) условных единиц, то есть, безусловно говоря – пять тысяч треклятых долларов. Для справки сообщаю, что зарплата моя в пересчёте на эти самые у. е. составляла примерно 130 (сто тридцать) долларов в месяц. Короче, мне удалось собрать по друзьям и родственникам только две тысячи. И вот тогда, от отчаяния совсем потеряв чувство реальности, я кинулся к Быкову. Не буду подробно расписывать, как несколько дней добивался встречи с ним, а когда добился, он мне, в конце концов, с отвратительными гримасами и сопутствующими словами (в благодарность, мол, за бывшие «уды» и «хоры») бросил пятьсот «баксов». Больше, дескать, не в состоянии. Надо полагать, если б у него состояние уже миллиардами оценивалось, тогда б позволил себе швырнуть ещё пару-тройку тысяч. Нет, я понимал и понимаю, что чужие деньги и просить, и считать стыдно в любом случае, но ведь и любому понятно, что этот «новораш», как и его соратники, новоявленные наши миллионщики, нас же, остальных, грабят и обворовывают, на нашей общей нефти жируют и богатеют...

После смерти жены я вгорячах хотел пойти и швырнуть Быкову в лицо его вонючую «капусту», но затем, здраво рассудив (и вообще, не пора ли нам всем начать рассуждать здраво?), оставил эти деньги у себя и спустя год поставил на них довольно приличный памятник своей Клавдии Михайловне – ну неужто она за 35 лет беспорочного служения народному образованию не заслужила могильной плиты?!

Вскоре произошло вот что. Вы, вероятно, знаете, что наш Пригородный лес входит в заповедную зону, что его корабельные реликтовые сосны пересчитаны, внесены в реестр и каждая охраняется законом. Но Вы, скорее всего, не знаете, что в этом Пригородном лесу в настоящее время осталось всего 19 (девятнадцать) настоящих больших муравейников (старше 10 лет и диаметром более 1 м). Преподаватели и студенты нашего факультета, к слову, над ними шефствуют и ведут научное наблюдение. И вот Быкову каким-то образом (хотя, понятно

– каким!) удалось приобрести в личную собственность целый гектар земли в Пригородном лесу. И начал он своё «хозяйствование» на новом месте с того, что собственноручно облил бензином один из 19-ти муравейников, оказавшийся на этой территории, и поджёг. Надо ли упоминать, что с этого гектара тут же исчезла большая часть реликтовых сосен, а взамен этого сначала вырос по периметру высоченный бетонный забор, а затем в считанные месяцы и – дворец новоявленного хозяина жизни.

И вот, где-то в конце апреля, я шёл по улице пешком (был солнечный день), возле меня затормозила иномарка, из неё вылез и окликнул меня Быков. Первым делом я подумал, что он потребует вернуть ему пятьсот долларов, и даже кулаки сжал, но он про деньги и не вспомнил. Он вообще вёл себя так, будто мы вчера только виделись в аудитории и отношения наши ничем серьёзным не омрачены. Впрочем, я всё же быстро догадался, что остановился он не даром и ему от меня что-то нужно. Оказалось, живётся ему в новом загородном доме вполне даже «окей», только портят настроение и досаждают... муравьи. По его словам, мураши заполнили весь дом, ползают везде и всюду и довели его, Быкова, до бешенства. Он уже вызывал специалистов из санэпидемстанции, да только деньги зря потратил – никакого эффекта. И вот сейчас, увидев меня на улице, он вспомнил, что я специалист «по всяким там муравьям-пчёлам», так что – не возьмусь ли я ему «по старой дружбе» помочь? Тут он, на своё несчастье, и помянул про злополучные «пятьсот баксов», а то я уже намеревался отмахнуться наотрез от его просьбы. Но когда он про свою прежнюю «доброту» и «щедрость» заикнулся, у меня в мозгу идея, как вспышка магния, блеснула: решил – всё, проучу негодяя! И даже толком слушать не стал про посулы нового «гонорара» – тут же согласился помочь...

Вообще-то, я хотел только зло подшутить над Быковым. Не буду вдаваться в подробности (да Вы, уж простите, этого и не поймёте), но суть вкратце такова: в последние годы я работал над проблемой увеличения продуктивности пчёл. Я решил идти по простому пути: увеличить размеры самой рабочей пчелы (той, которая непосредственно собирает мёд), и тогда, естественно, увеличилась бы её производительность. Поначалу мне удалось достичь поразительных результатов: моя медоносная пчела вырастала в два, а иные экземпляры и в три раза больше пчелы обыкновенной. Причём самое фантастическое, достигалось это не путём скрещивания и отбора, а путём... деления клетки. Да, да! Мне удалось найти способ деления биологической клетки на две, а в иных случаях и на три отдельных, и каждая вырастала в полноценную клетку. То есть, условно говоря, если та же пчела состоит из миллиона клеток, то после введения моего препарата она через весьма короткое время будет состоять из двух миллионов клеток: каждая ножка, каждый усик, короче, каждый орган тела станет ровно в два раза больше.

Вы, естественно, спросите: можно ли подобное проделать, например, со свиньями или коровами (вот был бы переворот в сельском хозяйстве!)? Сразу отвечаю: нет. Мой препарат обязательно должен вступить во взаимодействие, в реакцию со специфическими феромонами (химическими веществами живого организма), которые имеются только у общественных насекомых, живущих семьями-колониями. И вот, когда я был уже близок к окончательному триумфу, вдруг появилась непреодолимая проблема – мои громадные пчёлы отказывались, они просто-напросто ленились летать. Ростолстев в два раза, они превращались в ползающих громадных шмелей. Я как раз и бился над преодолением этой проблемы, когда ко мне обратился за помощью Быков...

О дальнейшем Вы, я думаю, уже догадались. Я дал бывшему студенту-недоучке свой препарат (это – белый кристаллический порошок, похожий на сахар), научил развести его в настоящем сахарном сиропе, расставить по всему дому «отравные» блюдца-приманки и приготовился через некоторое время рассмеяться ему в лицо, когда он пожалуется, что-де муравьи от этой «отравы» стали только здоровее...

Он действительно позвонил через пару недель и на самом деле сообщил, что полчища мелких муравьёв исчезли напрочь, но зато им на смену откуда-то появились более малочислен-

ные, но значительно более крупные, «чуть не с мизинец», гигантские муравьи, так что надо ещё «отравы». Я усмехнулся и щедро выдал подъехавшему посыльному килограмм натурального сахара-песку. Уж я-то знал, что мой «эликсир роста» действует только однократно и второй раз разделиться новая клетка не сможет. Что касается «мизинца», то – у страха глаза велики...

Да-а, знать бы мне!

В пятницу, 24 мая, часов в десять вечера ко мне ввалились в квартиру два нукера быковских и, не слушая возражений, затащили меня в машину и увезли в Пригородный лес. Быков был страшно разгневан и в то же время, как я сразу заметил, ещё сильнее напуган. Он был вполпьяна и всё глотал прямо из бутылки то ли виски, то ли ещё какую дрянь. Он орал, брызгая слюной и топая ногами, что ему наплевать на моё «профессорство» что он меня «по стенке размажет»...

Причина его гнева и страха лежала под его ногами, прикрытая тряпкой – задняя часть собачьего туловища. Признаться, когда один из охранников сдёрнул тряпку, я вздрогнул: такое впечатление, что бедного пса разорвали пополам – наружу торчали осколки костей, свисали лоскуты кожи, лужа крови уже подсохла и покрылась плёнкой. Только тогда я заметил, что и весь пол в кухне забрызган красными пятнами. Так как сам Быков толком говорить не мог, а только хлебал из бутылки и ругался, суть дела пояснил один из его холуев.

Оказывается, кроме двух овчарок во дворе, в самом доме обитали два взрослых питбуль-терьера, которые, как известно, пользуются славой самых злобных и страшных собак. И вот сегодня, час назад, когда Быков с парнями после трёхдневного отсутствия подъехали к дому, они ещё из-за ворот услышали неистовый лай овчарок и вой питбулей, доносящийся из открытых форточек зарешечённых окон. Сторож-охранник был бледен и ничего объяснить не мог, только твердил: «Там! Там!..», – показывая на дом. Пока открывали запоры, вой захлебнулся и смолк. Вбежав, люди застали жуткую картину: несколько гигантских, как они уверяли, «с кошку», муравьёв рвали собак на части: от одной оставалась уже только одна лапа, второй бультерьер был изглодан наполовину. Только когда люди начали палить из пистолетов, твари убрались, исчезли в подвале...

Быков, заметив мою недоверчивую ухмылку, взревел, подбежал к стене и отбросил пинком вторую тряпку, что-то прикрывавшую в углу. То, что я увидел, повергло меня в столбняк. Вы, может быть, читали в детстве увлекательную книгу Брагина «В Стране Дремучих Трав» про гигантских насекомых или разглядывали когда-нибудь обыкновенного муравья через увеличительное стекло... Зрелище довольно отвратное и устрашающее. Я не мирмеколог (так называют специалистов по муравьям), но с первого взгляда понял, что передо мною на полу лежит представитель именно этого семейства общественных стебельчатобрюхих насекомых подотряда перепончатокрылых, принадлежащий к группе рыжих лесных муравьёв (*Formica rufa*), которые в природе достигают максимум 3 (трёх) сантиметра длины. Этот же размером был не то что с кошку – с матёрую упитанную таксу: сантиметров семьдесят, а то и все восемьдесят, а с усиками-антеннами – так и целый метр! Подобное и в кошмарном сне не приснится.

Я охнул. Быков, увидев моё искреннее остолбенение, смачно выматерился: мол, что, сам не ожидал подобного, козёл старый?! Дальнейшее произошло быстро и без моего участия: мне коротко объяснили, что запирают меня в доме вместе с «моими мурашками» наедине, оставляют мне телефон-мобильник, и как только я придумаю, как решить «муравьиную проблему», я должен позвонить, объяснить, тогда всё, что для этого мне потребуется, тут же доставят, я должен вывести всех тварей подчистую и только тогда меня отпустят, быть может, даже «целым и невредимым», несмотря на причинённый мной «ущерб»...

Когда я остался в громадном доме один, взаперти – у меня, вот именно, мурашки по спине поползли. Холодные и противные. Впрочем, я не потерял способности здраво рассуждать и вполне резонно предположил, что муравьи размером с таксу и весом килограммов шесть по вертикальным стенам и тем более потолку ползать не в состоянии, поэтому, заметив стре-

мянку, подставил её к высоченному – метра два – холодильнику, не мешкая, взобрался на него, втащил следом лестницу, уселся, поджав ноги, и начал ждать неизвестно чего. Вернее, конечно, появления «своих» монстров.

И – дождался.

Мне уже объяснили, что их пытались закрыть-заблокировать в подвале, где, по всей видимости, находилось их гнездо, но твари прогрызли дыру-ход в дубовых дверях с чудовищной лёгкостью. И вот в этой дыре появилась голова первого насекомого с громадными радужными глазами-мониторами. Помедлив секунду, муравей выбрался из дыры целиком и бросился почему-то не к трупу собаки, который так и оставили посреди кухни, а – к убитому собрату-муравью. Он с ходу впился в его брюшко громадными челюстями, прокусил хитиновый покров и начал жадно пожирать-всасывать полужидкую плоть. Тут же подскочил второй, третий, пятый... Между ними завязалась драка, в результате которой ещё один муравей был убит, растерзан и сожран без остатка – со всеми лапками, усиками и глазами-мониторами.

Меня тошнило от зрелища, но я, как зачарованный, не отводил взгляда и даже пересчитал тварей – их, без съеденных «сотоварищей», оставалось ровно 14 (четырнадцать) особей. Я почему-то уверен был, что это – весь «личный состав». А где же остальные тысячи, десятки тысяч из этой муравьиной семьи? И тут меня озарила догадка. Мне не давала покоя мысль, почему же муравьи, в отличие от пчёл, продолжали делиться-увеличиваться на клеточном уровне безостановочно, словно по принципу ядерной реакции? И вот, именно сидя на холодильнике «Стинол», я пришёл к гипотезе (которую потом надо будет проверить экспериментальным путём), что муравьи, пожирая плоть своих сородичей (вплоть до хитина!), уже прошедших реакцию деления, запускают, видимо, в собственном организме новый цикл деления, ещё более мощный и быстрый – в десятки, может быть, в сотни раз...

Между тем, твари (никак сознание не хотело считать их мурашами!), покончив с «собратьями» и остатками собаки, вполне недвусмысленно окружили холодильник, оглядывая меня, наклоняли туда-сюда головы, «переговариваясь» между собой при помощи кинописиса – языка поз. Некоторые даже вставали на задние лапы, средними упирались в холодильник и, совсем по-собачьи, скребли передними, доставая до двух третей высоты. К счастью, лапы их, несмотря на зубцы-зазубрины, соскальзывали с гладкой эмали. Но они упорно карабкались, даже залазили друг другу на спины, и один из них чуть было не дотянулся уже до моего ботинка. Я вскопчил, прижался спиной к стене. Я понимал, что обречён. Рано или поздно эти твари до меня доберутся. Если моя теория «естественного отбора» права, то через день, два, три их будет оставаться всё меньше, зато становиться они будут всё больше и, в конце концов, по крайней мере последний муравей, который будет, вероятно, размером с корову, стащит меня с этого «Стинола» играючи. Правда, если я к тому времени не умру от жажды: холодильник открыть было нельзя – муравьи-убийцы вмиг добрались бы до меня по его полкам. Самое обидное – дурацкий мобильник я оставил на столе, так что о службе спасения или милиции оставалось забыть.

Тупик.

И вдруг, когда я уже смертельно устал и совершенно отчаялся (была глубокая ночь, часа два), загремели запоры входной двери. Твари замерли, уставились на неё, три или четыре сразу бросились в свой подвал. В приоткрывшуюся дверь осторожно заглянул человек с пистолетом в руке. Он неестественно громко завопил: «А ну прочь! Про-о-очь, я сказал!! Цыц!...» – и дважды выстрелил. Монстры бросились наутёк, толкаясь, исчезли один за другим в дыре. Последним скрылся раненый муравей, с отшибленной лапой. Парень, не решаясь зайти, отчаянно махал мне рукой: «Быстрее! Быстрее, Виктор Петрович! Бегом!» Упрашивать меня не пришлось. Рискую сломать ноги, я спрыгнул с холодильника, выскочил вслед за спасителем из кошмарного дома, он запер дверь и увлёк меня по тропинке меж сосен в темноту...

Это оказался тоже мой бывший студент – однокурсник Быкова (признаюсь, я его не сразу узнал). Имя его называть пока не буду. Он спрятал меня у своего деда-лесника на кордоне совсем недалеко от города. Я хотел попытаться как-нибудь тайно продать квартиру и уехать за границу, в Луганск – там у меня живёт сестра. Но вот узнал, что в особняке Быкова произошла трагедия, и он сам погиб. Не сомневаюсь, что к этому причастны «мои» муравьи. Вам же, тов. Потапов, пишу всё это по одной простой причине: несмотря на то, что мне уже 57 лет, я согласен 3-4 (три-четыре) года отсидеть за неосторожное, косвенное (или как там это у вас называется) убийство, но я отнюдь не хочу после своего признания попасть в руки приятелей и подручных покойного Быкова, которые, можно не сомневаться, уничтожат меня без всякого суда. Ответьте мне на Главпочтамт до востребования (предъявителю удостоверения № 0277). Буду ждать в течение недели.

С уважением Сеницын В. П.

* * *

– Да-а-а... – неопределённо протянул я.

– Впечатляет? – спросил Потапов, оторвавшись от своих бумаг.

– И где же сейчас этот профессор Сеницын – на улице Московской? – понимающе усмехнулся я: на Московской у нас располагается областная психбольница.

– Нет, господин сочинитель, это вы зря иронизируете. – серьёзно сказал майор. – В газетах не сообщалась весьма любопытная деталь: на пепелище была обнаружена странная вещь – нечто, напоминающее сплюсненную заднюю часть туловища гигантского муравья. Муравей, судя по всему, был в длину более метра. Впрочем, наши оперативники и фээсбэшники решили, что это часть какой-то новомодной надувной игрушки – сейчас ведь всякие японцы да корейцы чего только для богачей не делают.

– Да неужели всё это правда?! – вскричал я. – Где же тогда профессор? Сидит?

– Никак нет. Я когда с ним встретился, настоятельно посоветовал ему ни полсловечка больше никому и никогда не говорить про своё участие в этом деле – соврать что-нибудь про своё исчезновение, а затем молчать в тряпочку и жить как жил. Во-первых, ему всё равно никто бы не поверил и, вот именно, загремел бы он в психушку. А во-вторых, я бы профессору Сеницыну ещё и премию выдал, если б от меня зависело: депутат и бизнесмен Олег Иванович Быков по кличке Бык вот где у нас всех сидел! – майор Потапов ожесточённо похлопал себя по шее. – Туда ему и дорога! Придурак, судя по всему, применил огнёмёт, а у него там в подвале гараж на три машины с запасом бензина и котельная на мазуте. Вероятно, кроме него и двух псов-охранников, погибших с ним, о муравьях-гигантах никто не знал. В курсе был ещё тот сторож-однокурсник, да он исчез бесследно, думаю, убежал куда подальше, опасаясь разборок. Теперь уже всё затихло, так что можете со спокойной совестью сочинять обо всём этом роман. Только фамилии, конечно, замените...

– Ну уж нет! – засмеялся я. – Спасибо, конечно, за материал и занятный сюжетец, но в эту фантастическую историю ни единый читатель не поверит... Тем более в нашем Баранове. А я своей репутацией, или, как сейчас принято говорить, своим имиджем писателя-реалиста рисковать не хочу. Бог с вами!..

На том мы в тот раз с Потаповым и расстались. Я, быть может, совсем уже забыл про нелепых муравьёв размером с раскормленного пса, если б совсем случайно не увидел на днях в рекламной местной газетёнке «Всё для нас» ну очень любопытное объявление в разделе «Услуги»:

Только для состоятельных господ! Уникальное средство для уничтожения муравьёв, тараканов, клопов и пр. домашних насекомых. Очень дорого. С гарантией.

Ба-а, да уж не Синицын ли это вышел на тропу войны с местными «новорашами»? Не подопечный ли майора Потапова профессор-энтомолог объявил войну нашей доморощенной барановской мафии?..

Давно пора!

ПРОТОТИШЫ

Повесть

1

Просматривать газеты начинаю я всегда с последней полосы. И сразу – с некрологов. Так уж привык.

Тянет почему-то в первую очередь узнать – кто из знакомых сыграл в ящик, дал дуба, окочурился, отбросил коньки, скопытился, загнулся, протянул ноги, отдал Богу душу, опочил, присоединился к большинству и приказал мне долго жить.

Впрочем, это я так, через силу, натужно выкаблучиваюсь, прикидываюсь сам перед собою циником, толстокожим хохмачом. На самом же деле эти фамилии в чёрных рамочках на последней полосе «Местной жизни» – и особенно фамилии, привычные зрению, слуху, сердцу – каждый раз заставляют меня напрячься, чуть ли не вздрогнуть, учащают пульс мой и стук поизносившегося уже сердца, покалывают мозг страхом и тоской.

Что ж тут странного – возраст, болезни, усталость.

А чёрные рамочки – скромно приплюснутые, квадратно солидные или порой даже вытянутые столбиком через всю страницу и с фото внутри – появляются буквально в каждом номере областной газеты. Да не по одной, а блоками по пять-шесть штук. И очень часто, тревожно часто фамилии в них мелькают именно знакомые, фамилии, за которыми сразу всплывают в памяти конкретные лица, фигуры, голоса людей, связанных с тобою десятками, сотнями жизненных нитей. Да-а-а, город наш не Токио, не Рио-де-Жанейро и даже не Москва; не город – большая деревня. Каждого второго из встречных узнаёшь, с каждым третьим здороваешься.

Так вот, и в этот вечер я, как обычно, разворачиваю «Местную жизнь», уже за чаем, отдыхая от тягот опостылевшей службы. Вот что меня бесит, вот что сокращает мою жизнь! Я – писатель. Довольно много пишу и в последнее время часто публикуюсь-издаюсь, а писательского заработка в наши *окаянные дни* хватает разве что на хлеб да жидкое пиво. Так что за масло для бутерброда и водочку для настроения приходится горбатиться в институтском издательстве, редактировать всякие псевдонаучные методички и диссертации, состряпанные безграмотными в большинстве своём доцентами и профессорами. Удивительно невежественный народ!

Через всю газетную страницу чернеет жирная траурная рамка. С плохо пропечатанной фотографии смотрит длинное дряблое лицо с толстым подбородком и тусклыми оловянными глазами – знакомое, как говорится, до боли. Я отталкиваю чашку, впиваюсь в строки некролога:

«Безвременно ушёл из жизни Иван Александрович Филимонов. Он был кристально честным и добросовестным человеком, принципиальным коммунистом, а в последние годы и демократом. Всю душу он вкладывал в дело служения своему народу, Родине, партиям. Как руководитель и честный принципиальный демократ он вносил большую лепту в дело воспитания подрастающего поколения в духе демократии и плюрализма, подавал молодёжи пример личной жизнью...»

Некролог – длинный, трескучий, удивительно фальшивый по лексике и стилю. Да-а-а, скапустился Иван Александрович, товарищ-господин Филимонов, отправился к праотцам. И так вдруг, внезапно. Если траурное сообщение тиснули сегодня, значит, бедолага, как мини-

мум, вчера умер? Что же это с ним произошло-случилось? И жены как назло дома нет – может, она какие подробности слышала?

Я бросаюсь к телефону. Толян Тулин, репортёр «Местной жизни», уже дома. Что? Как? Когда?.. Толя, разумеется, знает всё до последней деталечки. Оказывается, Филимонов возвращался накануне от тёщи из деревни на своём «Москвиче», был гололёд (он и сейчас есть, и ещё долго, поди до самого апреля, будет), вот и – авария. Сам-то Иван Александрович, всем известно, ездок тихходный, свержаккуратный, да вот не уберётся: занесло на него «КамАЗ» с прицепом. Многотонный грузовик накрыл филимоновскую легковушку, как кит сардинку. Останки бедного Ивана Александровича доставали из сплюснутого «Москвича» с помощью автогена, отскребали от сиденья и баранки...

Признаться, по спине змейкой – озноб, сердце притискивает: смерть жуткая. И пусть Ивана Александровича Филимонова я недолюбивал (и крепко недолюбивал!), но смерти я ему, тем более такой скоропостижной, нежданной, отнюдь не желал. Правда, каюсь, каюсь и каюсь: однажды я уже... убил его, Ивана Александровича Филимонова. Да-да, убил, убил зверски, безжалостно: расстрелял из обрез охотничьего ружья.

Дело в том, что с него, с Ивана Александровича Филимонова, я списал одного из своих мерзопакостных героев. В той повести я, против обыкновения, очень натурально, крайне достоверно, до предела узнаваемо обрисовал в герое прототипа – этого самого И. А. Филимонова. Я в точности воспроизвёл его внешность, вплоть до толстого бабьего подбородка, его манеру говорить, многие факты его биографии. Я даже оставил ему его профессию – журналиста – и совсем чуть изменил фамилию. Одним словом, я целиком, живёхоньким вставил Ивана Александровича Филимонова в повесть, провёл его по перипетиям сюжета и в финале безжалостно убил-расстрелял руками подпортвейненных малолеток, пожелавших покататься на его, Ивана Александровича... то есть, тьфу, героя повести, машине.

Вещь та всего неделя тому, как появилась-вышла в сборнике моих повестей и рассказов. Я знаю, что Иван Александрович, прослышав о своём прототипстве, уже нашёл случай повесть прочитать, хотя книга моя широко ещё не продаётся, до городишки нашего из столичного издательства ещё не добралась. Однако же кто-то из тех, кому успел я подарить-подписать своё детище, поспешил *порадовать* Филимонова. Обычно прототипы отрицательных героев стараются не узнавать себя, помалкивают в тряпочку. Иван же Александрович совсем недавно при встрече на улице не выдержал, подскочил ко мне, зашипел:

– Щелкопёр! Бумагомарака тоже мне выискался! Осмеял на весь свет – как мне людям теперь в глаза-то глядеть?!

Я не успел среагировать, сказать хотя бы: «Пшёл вон!» – как он заоглядывался на прохожих испуганно, натянул воротник пальто, стушевался. Он вообще в последнее время, в наше бурливое непонятное время, как-то сник, потускнел, подрастерялся, хотя и пытался подстроиться, зашагать в ногу, подемократничать. А раньше о-го-го каков был орёл-стервятник. Как резво прыгал он по ступенькам карьеры, потрясая, как пропуском, партбилетом, как открыто, сладострастно и без зазрения совести фарисействовал...

Хотя, чего ж повторяться: всё это я описал в повести, которая неделю назад наконец-то вышла в свет. Надо сказать, что это редкий случай в моём писательстве, особенно сейчас – вот так доподлинно выставлять живого человека в повествовании. До этого я только считанные разы, ещё по молодости, не имея опыта сочинительства, списывал, копировал своих знакомых, срисовывал их до мельчайших чёрточек, наивно полагая; мол, чем натуралистичнее, фотографичнее, тем художественнее, живее выйдет и персонаж. Это я сейчас, под старость, начал понимать-чувствовать: точным копированием жизни творческого результата вряд ли достигнешь. Нет, долой приёмы очеркистов и фельетонистов! Да здравствует божественное воображение, да здравствуют домысел и вымысел!..

Когда жена приходит с работы, я прямо на пороге спрашиваю:

– Знаешь про Филимонова?

– Да знаю, знаю, – раздражённо отмахивается Валя. – Тебе в радость, наверно.

Жена не в духе. Она вообще в последнее время хронически не в духе. А кто, скажите, в наши шизофренические дни в духе? Разве что бизнесмены хапужные, торгаши наглые да чокнутые демократы доморощенные. Веселятся емели – их недели.

– Да что ты, типун тебе! – резко обрываю я. – Тут и так душа не на месте.

– Ну ещё бы! Может, он из-за тебя жизнь самоубийством кончил, может, он сам под грузовик заехал.

Я молча смотрю секунд десять на её рыжие мелко завитые кудельки, на дурацки перевёрнутые дужками вниз модные очки с толстенькими стёклами, делающими взгляд постоянно насмешливым, на её острый бледный нос.

– Перестань, дура! – ору я (я даже взвизгиваю – соседи наверняка слышат). – Вечно настроение испортишь!

Я бросаюсь из прихожей в свою комнату-клетушку, с размаху бабахая дверью. И – дикий кошачий вопль. Этот дурень Фурсик, наш рыжий котяра, проскакивая вслед за мной, разумеется, забыл в двери хвост. Жена – в крик. Ор, вой, рёв. Сердце – молотком по рёбрам. Тьфу ты, чёрт! Вечерняя работа – насмарку. А ведь срочно надо заканчивать новый рассказ: из той же «Местной жизни» звонили уже – просят-ждут для литполосы, беспокоятся.

Я выкидываю в общую комнату рыжую бестию, мечусь минут пять по своему кабинетику – три шага туда, три обратно, – накачиваю-взвинчиваю себя... Всё! Я выскакиваю в коридор, напяливаю куртку, хватаю шапку и – за дверь.

А пошли вы все!

Из нагрудного кармашка куртки я выуживаю свои финансы, пересчитываю при тусклом свете одинокого фонаря в подъезде – на пивко с лихвой хватит. Пить-то вроде и не тянет, но не по улицам же слоняться в такую холодрыгу, скользить и падать на мартовском голом льду.

Ещё расшибёшься до смерти и – вдогоночку за Иваном Александровичем Филимоновым. Бр-р-р!

2

Поблизости пиво обнаруживается лишь в «Ниве».

Эта прибазарная забегаловка и без того всегда переполнена грязной пьянью, а в этот вечер и вовсе не протолкнуться. Правда, очередь к дыре в стене, из которой появляются полные кружки, не очень велика: постоянные клиенты уже затарились, да и большинство из них попивают прихваченные с собой водяру и *чернила*. До закрытия гадюшника ещё час – успеть можно.

Отстояв своё, я беру три кружки почти совсем беспенистого пива, в нагрузку – кусок заржавленной ставриды. Я оглядываюсь, высматриваю в сигаретно-сивушном мареве свободный уголок, как вдруг:

– Андрюша!

Мне призывно машет из угла пятернёй Савкин. Откровенно говоря, болтать-общаться в сей момент охоты мало. Мне надо в одиночестве, за пивком сосредоточенно подумать, выковырять из недр сознания какую-то ещё неясную занозу-мысль – она саднит, тревожит, покалывает. Но как не откликнуться на зов знакомого? Наша проклятая псевдоинтеллигентность, наши закорюченные условности мешают нам прямо в физию досаждающему, назойливому человеку рявкнуть: «Да пошёл ты!»

Криво усмехнувшись приветственной улыбкой, я протискиваюсь на краешек скамьи к Савкину. Тот впадает от встречи в восторг, начинает лопотать и брызгать слюной. Это – один

из домпечатовских типов. Когда-то он служил в газете, а выйдя на пенсию, продолжает обитать в Доме печати – пишет заметульки, составляет кроссворды, подрабатывает корректором то в одной, то в другой редакции. Савкин торопливо дохлёбывает свою кружку и с вожделием устремляет блёклый взор на мои. Я со вздохом придвигаю ему полную посудину, киваю и на трупик ставриды:

– Угощайся, Семёныч.

Семёныч, с жадностью глотнув дармового пойла, впивается полусгнившими жёлтыми клыками в рыбы останки. Урчит.

– Слыхал, Семёныч, про Филимонова-то?

– А как же! Намедни ещё знал – по свежему. Хоть и склизкий был человек, а жалко. Маловато пожил, маловато. И не пил, дурак. А недаром сказано: веселие человека русского есть питье. Так-то вот!

Савкин, чувствуется, гуляет с утра, очень чувствуется. Впрочем, он почти всегда ходит во *взбодрённом* состоянии.

– Я вот что хочу сказать, Андрюша, – вдруг хмурит он кустистые брови. – Ты не обижайся на старика: я тебя как человека очень даже уважаю, но вот повесть твоя... Да, да, я уже прочитал её, имел случай. Понимаешь, я сам когда-то в редакции этой работал – золотые денёчки! А ты всё высмеял, обсмеял, извини старика за словечко – обкакал. Ты же сам в этой газете служил, как же можно так предательски всё высмеивать?

Вот гад! Моё пиво пьёт и меня же прополаскивает. Алкоголик зачуханный!

– Видишь ли, Семёныч, я как раз на личном опыте, как бы изнутри и описал, в какой мерзкой, гнилой атмосфере пришлось мне работать и творить, будучи корреспондентом той газетки. И атмосферу пакостную, фарисейскую и вонючую в редакции создавал как раз твой хваленый геноссе Филимонов. Что, скажешь, я его не правдиво, не достоверно изобразил?

– Да я чего – ничего, – сникает под моим напором Савкин, косясь на другую полную кружку. – Только ты уж чересчур его выставил, совсем жестокосердно – прямо-таки убил его.

– Ха, «убил»! – меня вновь царапает это внушающее страх незначайное словцо. – Я же убил его не в жизни – на бумаге. Он должен был, должен умереть! По логике сюжета, по ходу действия. Я не мог иначе. Я должен был его убить. До-о-олжен! И я убил его, негодяя такого!

Соседи-алкаши оглядываются: кто это там кого порешил-кончил? Я потухаю, глубоко вдыхаю спёртого трактирного смога, выпиваю залпом полкружки. Семёныч вытаскивает из опорожнённого бокала мясистый, сизый, весь в порых-проколах нос, кротко-заискивающе взглядывает на меня выцветшими мутными глазками, но вдруг возражающе квакает:

– Всё равно нехорошо, Андрюша. Ты вот его в повествовании для потехи своей прикончил, а он вот возьми, да и в жизни Богу душу отдай. В мире всё взаимосцеплено, ты уж поверь старику. Нам не дано предугадать, видишь ли, как наше слово отзовется. Разве ж забыл?

В хмельном гнойном взгляде Семёныча проблёскивает что-то странное – усмешливое, многозначное, трезвое. Я вскакиваю, отпихиваю ополовиненную кружку.

– Допивай, философ задрипанный! Пошёл я – домой надо... Болтаешь чушь пьяную!

На улице метелит мокрый снег. Я натягиваю воротник куртки на затылок, ввинчиваю голову в плечи, опускаю шапку на глаза – скукоживаюсь. Тэ-э-эк-с, у меня ещё наскребётся тугриков на стакан-полтора водки. От базарного пива во рту погано, живот недовольно бурчит.

Я заглядываю в ресторан «Центральный», выцеживаю у стойки порцию какой-то импортной дряни, вкусом похожей на касторку, задавливаю тошноту холодной котлетой и плетусь домой.

Чуть-чуть на душе легче. В голове, словно бельё в стиральной машине, вертятся по кругу всякие мысли, обрывки воспоминаний. Что-то упорно пытается всплыть из омута памяти на поверхность, но срывается и срывается обратно в тьму.

И тут, уже поднимаясь в лифте на свой этаж, я ухватываю ту колючую мысль-воспоминание за хвост – Пашка Банщиков!

Нелепая ошеломляющая смерть моего друга детства Павла Банщикова.

3

Село в Сибири, где я жил и рос в детстве – многолюдное, райцентр. Так что всех пацанов своего возраста знать я не мог.

Вот и с Пашкой увиделись мы впервые на школьном дворе, на празднике «Здравствуй, школа!». А жил он аж за пять улиц от меня, на Октябрьской. Попали мы с ним в один класс, быстренько сдружились-скореванились и росли почти что неразлучными все десять школьных лет.

Хотя в нас больше розного имелось, чем общего и сближающего. Я – молчун, медлителен, мыслитель, любил посидеть на одном месте, почитать. Читать мог часами, взахлёб. Пашка – говорлив сверх меры, вертелся юлой, задумываться был не мастак и книжки терпеть не мог. У него и внешность какая-то вертлявая была: худющ, ножки-ручки – тростиночками, болтаются-вихляются, светлый редкий ёжик зазорно топорщится на голове, нос востренький, серые глазки, маленькие, кругленькие – туда-сюда, туда-сюда. Уж Бог знает, как мы долгие годы дружили-общались, практически – вот самое диво – не ссорясь.

Так как Пашка задумываться не любил, вперёд не заглядывал и жил не то что одним днём – минутой, секундой текущей, он и попадал вечно в истории, вляпывался в приключения. Ещё когда он не пил, в самом ещё детско-отроческом возрасте, он уже легко умел возбуждаться, как бы хмельть, подстёгивая свои нервы, распаяя себя по делу и без всякого дела.

Помню, например, такой вот случай. В классе шестом, что ли, произошло у нас столкновение с Хрулём. В честь чего-то он на нас с Пашкой, ботая по нынешней пацанской фене, наехал. Вспыхнула на перемене какая-то словесная перепалка-стычка, дело, может, дошло и до тычков под рёбрышки. Под наши с Пашкой, разумеется, рёбрышки. А надо сказать, Хрулёв этот уже изрядно поднадоел почти всему классу. Поганые выходки приклатнённого одноклассника и двух-трёх его прихлебателей то и дело накаляли атмосферу на уроках и переменах, вызывали бессильные слёзы и обиды. Поддались Хрулю и мы. Я вообще был не драчун, тихий отличник, да и Пашка при всей его ершистости и прыгучести по натуре был всё же хлипок и слабоват в коленках.

Но терпение коллективное лопнуло и против тирании Хруля взорвалось стихийное восстание. Его загнали всем кагалом – а было нас, пацанов, в классе человек двадцать – в недостроенный гараж за школой и окружили грозным кольцом мстителей. Сотоварищи-подельники гниловатые Хруля смылись-ускользнули, и он стоял один против всех, прижавшись к грязной кирпичной стене спиной, бледнее извёстки не то от страха, не то от бессильной злобы. Кулаки его сжались-скрючились до посинения, но он их не поднимал к лицу, не защищался. Однако бить кучей одного, пусть даже и стервозу Хруля, было не в обычаях сельских. В те времена ещё не водилось, по крайней мере у нас, в Сибири, нынешних шакальских законов, позволяющих всемером избивать и затаптывать одного.

И вот нас с Пашкой начали подначивать, распаять, подталкивать в круг: мол, у вас самая свежая обида на Хруля, вы только что схлопотали от него – вам и карты в руки. А ну, вмажьте-ка по паре раз гаду! Ну, давайте, давайте, разбейте ему сопатку, чтоб знал! Да не бойтесь, чуть чего мы подмогнём...

Момент создавался гнусный и щекотный. Повторяю: я вообще не любил и не умел махать кулаками. И посеячас, прожив уже немалую жизнь, я вообще ни разу не ударил другого человека по лицу. Для меня легче, наверное, самому себе нос расквасить. Вот и тогда, дёргаясь

от тычков и подталкиваний в спину, подбадрываемый горячими одноклассниками, я упирался, отнекивался вяло, не возжигал в себе факел кровожадного мщения. Я не мог ударить Хруля, да и знал, что нельзя, ни в коем случае нельзя бить его вот так, при поддержке толпы, беззащитного, не рискуя со своей стороны ничем. И я в конце концов внятно и твёрдо заявил:

– Я не буду.

Зато Пашка раздухарился всерьёз. Он по-петушиному взялся подсакивать к Хрулю и сперва махать кулачками у того перед носом, распаяя себя истеричными вскриками:

– Ах ты гад! Я тебе покажу щас! Ты у меня кровью умоешься! Я тебя щас разуделаю, как Бог черепаху! На!

Пашка размахнулся и припечатал Хрулю по носу. Зрители одобрительно хрюкнули. Хруль дёрнул головой, ещё болезненнее побелел, но рук для защиты так и не поднял. Он лишь приложил палец к одной ноздре, к другой и выбил на строительный мусор алую юшку. Потом глянул насмешливо на Павла.

– Ну, чего ж ты, давай ещё, раз такой храбрый. Только Банщик, жалеть ведь потом будешь...

– Ах ты сволочь! – подкипятил себя Пашка. – Ещё грозиться вздумал! Получай!

На этот раз он смазал казнимому звучную пощёчину и отскочил.

– Дай, дай ему!.. По харе вмажь!.. Под дых-то садани, да посильней!..

Советы алчущих крови зрителей-свидетелей подзадорили Пашку, и он ещё раза три ткнул Хруля кулаком в живот и пнул под коленку. Но так как Хруль продолжал податливо стоять, болезненно улыбаясь, Пашкин запал начал гаснуть, утихать, растворяться.

– Смотри у меня, Хруль, – грозно предупредил он напоследок, обтряхивая словно после грязной работы руки, – ещё раз заработаешь – вообще разуделаю. Не попадайся мне больше на пути!

Ребята одобрительно похлопывали Пашку по плечам: мол, молодчара, Банщик, умеешь за себя постоять – не то что некоторые. «Некоторые» – это, понятно, про меня.

Хруль попался Пашке на пути очень скоро – минут через пятнадцать. Домой идти нам с Пашкой примерно полдороги было в одну сторону. Мы шли через молодой парк, разбитый к юбилею Победы в центре села. Я молчал, подавленный, приятель же мой размахивал портфелем и свободной рукой, рассказывая-вспоминая недавний свой подвиг:

– Кэ-э-эк я ему врежу! Ты видал, как он сразу сдрейфил? И чё это многие Хруля боятся, он же...

Слова застряли у Пашки под кадычком – из-за махровых густых ёлочек выскочил на дорожку Хрулёв. Не успел и я толком испугаться, как показался из-за деревьев Сашка Борчиков – здоровенный парень-восьмиклассник, закадычный хрулёвский дружок. Я понял: сейчас будет больно. И приготовился к ударам. А Пашка, бедняга Пашка, взвизгнув от ужаса, бросил портфель и ринулся зигзагами в глубь парка. Борчиков, свирепо ощерившись, направился в мою сторону, но Хруль, вдруг прервав свой бросок за убегающей жертвой, бросил напарнику:

– Этого не бей! Придержи только.

Какое там придержи. Кто бы это меня заставил бежать на помощь бедолаге Пашке, если, во-первых, тот сам не сопротивляется, во-вторых, разъярённый Хруль и с двумя нами справился бы одной левой, и в-третьих, Сашка Борчиков мог, без преувеличения, зашибить меня на месте щелчком. Так я стоял, оглаживая совесть, рядом со своим стражем, и мы вертели головами в разные стороны, прислушивались к взвизгам и крикам то в одном, то в другом углу крохотного парка. Хруль то и дело настигал Пашку и трепал.

Вскоре напившийся кровью Хруль вышел на дорожку, погрозил мне для острастки кулаком: «Смотри мне тоже!» – и, довольный, кивнул Борчикову:

– Пошли.

Пашка оказался целее, чем можно было предполагать по его крикам и плачу: кровь из носу пузырилась, фингал наливался под левым глазом да рукав куртки треснул по шву. Пашка размазывал слёзы по лицу, смешивал их с кровью и зачем-то передо мною выставлялся:

– Я ему ещё покажу! Он у меня поплачет!..

* * *

Пашка спился поразительно быстро.

Начинали мы вместе. Уже в старших классах перед школьными вечеринками, по праздникам или во время рыбалки с ночевой для бодрости и куражу мы приучались раздавливать бутылку портвейна человек на пять. Мне, подрастерявшему к тому времени славу отличника и приобретающему ореол своего в доску парня, выпивки те давались тяжело. Проклятая бормотуха казалась мне не слаще керосина. Я судорожно, через не могу, впихивал вонючую отраву в организм, изо всех сил старался там удержать, но чаще всего желудок мой отроческий и нежный бунтовал, вскипал и выплёскивал вон ядовитую бурду.

Пашка же в этом деле сразу отличился-выделился: выпивал стопку портвеша или вермути молодецки, с причмоком, занюхивал ухарски тыльной стороной ладони и с чувством превосходства покрикивал на нас, хлюпиков малолетних, не умеющих пить. Дело в том, что предок Пашкин был выпивохой-профессионалом, и дружок-приятель мой чуть ли не с детсадовских времён начал угощаться при папаше то глотком пива, то напёрстком вина. Так что когда я только подступал к алкогольным испытаниям, Пашка уже много в этом деле понимал.

После школы сначала забрали Пашку – он на полгода обогнал меня в возрасте, – а через две отсрочки, через полтора года, пошёл служить и я. Потом судьба увела меня из родимых мест сначала в Москву на учёбу, затем по распределению попал я в губернский город в центральной России, наезжал в Сибирь лишь от случая к случаю. Короче, виделись мы с Павлом редко. Пробовали поначалу, ещё в молодости, переписываться, но какая ж переписка в наш сухой прагматичный век может длиться долго?

Лет с двадцати пяти Пашка начал лечиться. Но, испробовав очередной метод – то уколы, то гипноз, то «торпеду», – он, продержавшись чуток, обязательно срывался. В наши редкие встречи я заставлял его то в хроническом запое – взбалмошным, несносным, грязным, больным; то, наоборот, стерильно трезвым – скучным, тоскующим, нервным...

* * *

Так вот, к чему я всё это рассусоливаю?

Однажды из головы моей пошёл рассказ, где главный герой – спившийся донельзя алкаш. Рассказ рвался, выплывался, рождался из меня, все фабульные повороты просматривались, вся сюжетная плоть была мне уже ясна, лишь облик главного героя никак не проступал из тумана воображения.

И тут я вдруг подумал – Пашка! И сразу – яркий свет, резкость кадра, лёгкость письма. Я выставил в рассказе Пашку живьём. Я придал герою внешность друга детства до микроскопических подробностей, вплоть до родинки под левым ухом. Характер Пашкин я тоже полностью и целиком подарил своему герою, а характер его знал я как свой собственный.

По ходу рассказа герой его погибал. Он допился до того, что ему начала грезиться какая-то тварь в виде грязной кошки, которая будто бы поселилась в его квартире. Он, мой герой, то есть как бы Павел Банщиков, но с другим именем, спохватывается, пытается лечиться – подшивается. Однако в конце концов трезвый мир в его нынешнем состоянии не устраивает героя, и он выхлёбывает бутылку водки, зная, что от этого тут же скончается-кончится...

Рассказ получился. Тогда – а минуло тому уже лет пять – я в Москве ещё не печатался, книги не издавал, ходил в молодых и начинающих. Но в областных газетах наших меня уже привечали. Вот и этот рассказ ухватил с ходу редактор «Губернских вестей». Буквально через пару дней «Грязный кот» – так он назывался – явился миру в свежем номере этого еженедельника. Знакомые поздравляли меня с творческой удачей, кое-кто из братьев-писателей начал криво усмехаться при встрече...

Через пару недель я получил письмо от матери. Среди прочих разных новостей она сообщила:

«Твой дружок школьный Павел Банициков умер. Он выпил целую бутылку заморского спирта “Рояль”, что ли, и отравился. Его нашли только на четвёртый день, под берегом, знаешь, там, где ферма была. Он наполовину лежал в воде, видно, хотел протрезвиться – весь вспух и почернел...»

Я тогда, не дочитав письма, плакал. Жалко было Пашку, его нелепую скоротечную и бессмысленную жизнь...

А сейчас, припомнив всё это, я чувствую определённый страх. Странное всё же совпадение. Пашка, как и Филимонов, умер сразу же после... после...

Странное, непонятное совпадение!

4

Жена ворчит с порога, мол, опять дерябнул, опять причастился посреди недели.

Но мне не до скандалов. Едва сбросив куртку и скинув сапоги, я спешу в свою клетушку, к книжным стеллажам, к *моей* полке. На ней собираются-хранятся первые публикации моих вещей. Больше всего здесь теснятся сплюснутых газет, есть четыре журнала, три «консервных банки» – коллективных сборника, пара книжечек местного издательства и украшение *собрания сочинений* – первая моя настоящая, московская, книга, радующая глаз толщиной и супер-обложкой. Признаться, каждый раз, как я беру её в руки, в подвздохе у меня приятно щекочет.

Я начинаю нетерпеливо, но внимательно просматривать все газеты, журналы, книги, не надеясь на память. Ага, есть!

В журнале «Физкультура и спорт» я перелистываю страницы со своим рассказом «Суперигрок». Это первая моя публикация в центральном издании. А написан рассказ был ещё во времена оны, когда я ходил в студиях. Тогда, после второго курса, я попал на практику в Севастополь, в городскую газету. И вот там меня поразил один парень – Володя Петров. Работал он корреспондентом в отделе спорта, сам – сверхспортивен, сложен как Геркулес, а медлительно-спокоен был до невероятности.

Мы с ним сошлись-сдружились: я восхищался его силой и невозмутимостью, он – моей способностью находить темы и ловко выплёскивать их на бумагу. Однажды на пляже в Херсонесе, в малолюдном уголке, к нам привязалась компашка подпитых блатарей. Я, само собой, струхнул: окружили нас человек восемь, морды – уголовные. А Володя, скрестив по-наполеоновски руки на голом торсе, лениво-спокойно предупредил:

– Ребята, я в совершенстве владею каратэ. Не рискуйте...

Он толком не договорил, как ближайший мутноглазый обормот ахнул его кулаком в лицо. Вернее, хотел ахнуть, движение сделал, но пробил лишь пустоту и тут же прилёг на херсонесскую жаркую землю, скрючился и захрипел. Ринулись в бой ещё двое гладиаторов, но тут же упорхнули в стороны, грохнулись оземь. Остальные, убегая, долго и суетливо оглядывались...

И вот когда – чуть погодя – забрезжила в моём воображении полуфантастическая история о суперчеловеке, натренировавшем тело до такой степени, что оно начинало жить в несколько раз быстрее, я и вспомнил Володю Петрова. Я начал втискивать, впихивать его мощ-

ную натуру в рамки моего рассказа. Герой его, решив ради любимой женщины подзаработать денег в спорте, на полную катушку использует свой супердар, взвинчивает себя каждый хоккейный матч до упора. В результате – разрыв сердца...

С Володей мы с того лета больше никогда не виделись, а рассказ появился в «ФиС» лишь два года тому, попутешествовав предварительно по десяткам редакций и издательств.

* * *

Отложив журнал в сторону, я продолжаю ревизию. К счастью, живых знакомых среди моих персонажей пока больше не попадается.

Само собой, штришки, отдельные чёрточки внешности, характеров, судеб моих знакомых я обнаруживаю то в одном, то в другом герое. Одаривал я их порою и настоящими, правдашными фамилиями. Но в основном всё же люди, населяющие созданный мною мир, придуманы, вообразены – гомункулусы.

Я уже облегчённо перевожу дух, как вдруг в *главной* книге, под суперобложкой, натякаясь на маленькую повесть «Весь мир под прицелом». Боже, я совсем забыл о ней! А ведь в этой небольшой повестушечке проживает свою короткую литературную судьбу тот же самый Хруль – Борис Хрулёв. Он, кстати, после школы странно остепенился, покончил с блотью, после армии вернулся вообще *человеком*, пошёл служить в милицию, женился, стал отцом двоих детей. Совершил он даже подвиг: один задержал-скрутил трёх грабителей, был при этом ранен. О нём писала областная газета.

Одним словом – переродился человек. Я с ним, в свои приезды на родину, общался охотно – от былых школьных обид и следа не осталось. И я всё больше убеждался: взбрыкивал он в детстве, конфликтовал с миром – от избытка внутренней силы. Имелась у него та сверхгордость, то презрение силы к несовершенству окружающей действительности, к слабости людей, их приниженности и робости, которые приподымали его над толпой.

В повести я вознамерился показать, как в наши дни один *обыкновенный* человек ничего не значит и не стоит, как он бессилен перед шизодебильной действительностью, как его в любой момент могут унижить, растоптать, убить, могут изнасиловать его жену прямо на улице в ясный день, изничтожить ребёнка у него на глазах... Но даже в эти подлые времена – хотел показать я в повести – человек гордый, человек, не признающий себя козявкой, способен стать судьёй, автором и исполнителем приговора своим обидчикам, в состоянии сам наказать двуногих шакалов, посягнувших на его жизнь, жизнь его родных и близких.

Героем повести я сделал Бориса Хрулёва. Даже имени не изменил. У Бориса – это в произведении – трое негодяев изнархатили жену. Убедившись, что никто, ни милиция, ни правосудие, не спешат наказывать преступников, герой повести берёт дело в свои руки. Сюжет поворачивает так, что Борис принимается убивать уже не только мерзавцев, личных своих врагов, но и других – уже *лишних* – людей. На последней странице Борис обречённо сам заглядывает в бездонную дырочку пистолетного дула – в чёрную пустоту...

* * *

Ночь я сплю плохо.

Да что там! Вовсе, можно сказать, не сплю. Ворочаюсь на раскладушке, скриплю на весь ночной мир проклятыми пружинами. Только унырну в бессознание – кошмары. Один особенно привязчив, наваливается вновь и вновь: Пашка, Павел Банщикова, дружок детства и отрочества, тянет к лицу моему чёрные распухшие пальцы и сипит провалившимся разверстым ртом, зловеще ёрничая: «Уби-и-ивец! Ты – уби-и-ивец!..» И его раздутое, готовое вот-вот лопнуть синюшное тело трясётся от грозного утробного хохота...

Я вздрагиваю, дёргаюсь как от удара плетью и выскакиваю из сна в реальность. Чёрт! Может, к Валентине перебраться под одеяло – всё, глядишь, не так жутко будет.

Однако, вязкая обволакивающая апатия стягивает тело и душу. Жёсткий обруч сдавливает-сжимает сердце. Я понимаю глубинами мозга: на меня обрушивается какое-то *знание*, оно перевернёт всю мою жизнь. Оно меня раздавит, оно сомнёт мою судьбу. Неужели – *финита*?.. Я ворочаюсь и ворочаюсь, срываясь то и дело в пропасть, заполненную трупными видениями, ужасаясь и плача во сне от тоски.

От злой неизбывной тоски.

5

Как только у соседа за стеной начинает бубнить радио, я стряхиваю с себя наваждения, отбрасываю одеяло, преодолевая ломоту и боль во всём теле, встаю с левой ноги. Я чувствую: температура подпрыгнула. Только воспалительной лихорадки мне сейчас и не хватает!

Даже не умывшись, я перетряхиваю в ящиках стола свой архив, копаюсь в старых записных книжках. И – конечно, закон подлости! – той, нужной, студенческой поры, книжки нет как нет. Ну нет и всё!

Ах да, надо в вырезках адрес искать. К счастью, моё тщеславие, моя ранняя тяга к славе заставляют меня скрупулёзно собирать и подшивать все мои газетные рассказы, статьи, очерки, фельетоны и даже крохотные заметульки. Я отыскиваю папку, где среди других моих журналистских плодов творчества хранятся и вырезки из «Славы Севастополя». Просматриваю. Так и есть: обширный мой репортаж из «Ласпи» поместили тогда подвалом на третьей полосе. На оборотной стороне вырезки – все телефоны редакции.

Надо ещё ждать и ждать, и ждать – только половина седьмого. Может, настрочить пока письмо в Сибирь?.. Да что толку: мама умерла в прошлом году (я вздрагиваю, пробегаю мысленно вереницу своих героинь – нет, слава Богу, мать избежала роли прототипа!), а сестра, Надя, на мои послания не отвечает – органически не любит писать письма. Надо заказывать переговоры.

Я иду умываться, вяло завтракаю, пью медленно и долго крепко-горький чай. С женой мы почти не разговариваем. О чём говорить-то, когда нет настроения и прожито-промучено вместе уже пятнадцать лет? Она уходит на свою каторгу – в школу. До девяти ещё уйма времени. Я вдруг вспоминаю: у нас же хранится где-то настойка перцовая – от простуд. Самое сейчас время! Я без труда отыскиваю бутылку среди вороха белья в шифоньере и залпом выглатываю почти полный стакан.

Чуть уравновесило.

К девяти бутылка лекарственного питья опорожнена на две трети. Я к переговорам готов. Сперва заказываю Сибирь (прямой связи нет), а затем принимаюсь за Тавриду.

Тэ-э-эк-с, господин сочинитель, ну-ка врубайте своё писательское воображение, своё литературное знание жизни. Прошло столько лет! Если Ирина Васильевна – у неё в отделе культуры я проходил тогда практику – ещё в газете, то наверняка уже доросла до замредактора. Я топлю-утапливаю кнопки телефона, пытаюсь-пробую прорваться сквозь заснеженные-завьюженные леса, поля и доли в далёкий промозглый сейчас Крым, ставший вдруг заграницей, но лишь очереди коротких гудков расстреливают и расстреливают все мои усилия. Наконец, когда даже плоско-японский телефонный аппарат, кажется, вот-вот завизжит от раздражения – пошли милые слуху длинные позывные: тр-р-рл-л-ль!.. тр-р-рл-л-ль!.. тр-р-рл-л-ль!..

– Аллэ! Редакция, – слышу я сквозь шум и хрип телефонного мира когда-то знакомый мне голос.

– Ирина Васильевна! – ору я как оглашенный, перепугав Фурсика. – Это я, Андрей Назаров! Помните меня?

– А как же, как же, Андрюша! – слышу я искреннюю радость в голосе бывшей моей шефины. – Ты откуда звонишь? Ты где сейчас?..

* * *

Тогда, в то лето, я был молод, пылок, ошалевший от моря, солнца, юга, пузырящийся ещё робким писательским вдохновением, возбуждённый возможностью ежедневно изливать на бумагу свои бурно-сумбурные мысли и чувства, опьянённый первыми похвалами и редакционными премиями.

И, уж разумеется, я влюбился тогда в Ирину Васильевну – втюрился всерьёз и, как мне мнилось, надолго. Она обогнала меня всего на шесть лет, гляделась юной, была красивой той утончённой сублимой красотой, каковой наделял я в воображении тургеневских героинь. На день рождения я подарил ей пылающий букет багряных роз и после стаканчика «Крымской мадеры», оставшись с Ириной Васильевной на минуту вдвоём в отделе, начал лепетать что-то о своих чувствах и её тургеневской красоте...

Но тут заявился её муж – высокий бравый кавторанг со смоляным чубом из-под форменной твёрдой фуражки – и всё, дурак, испортил.

Мужа её я не любил.

Мои чувства к Ирине Васильевне пошатнулись и дали трещину после жестокого оскорбления с её стороны. Я решил так и предложил в газету свой рассказ «Взрослая жизнь». Рассказ о любви, о ревности, о первом растоптанном чувстве молодой девчонки-студенточки. Она забеременела и решается на страшное – ребёнка от ненавистного человека, обманувшего её, сразу после рождения уничтожить...

Я, как и все начинающие беллетристы, страдал жуткой стыдливостью, робостью и крайней легкоранимостью. А Ирина Васильевна – ох уж эта Ирина Васильевна! – взяла да и усмехнулась: мол, Андрюша, рассказ написать, это не репортаж выдать из пионерлагеря. Да и в женской психологии, дескать, ты ничегошеньки не понимаешь...

Переварив этот убийственный щелчок, насытившись обидой, я решил жестоко отомстить. Я взял и переписал своей рукой строка в строку шедевр Ивана Алексеевича Бунина «Лёгкое дыхание». Я лишь изменил заглавие на «Чистый голос», имя героини и везде в тексте вместо «креста» вписал «обелиск» и «памятник», из гимназистки героиню сделал школьницей, и убивает её не казачий офицер, а милицейский лейтенант.

Результат эксперимента я предвидел, но всё равно он ошеломил меня.

– Прости, Андрюша, – сокрушённо высказалась Ирина Васильевна, – но всё же литература, проза – не твоя стезя. И новый рассказ твой неудачен – растянут, скучен, язык беден, стиль ни к чёрту. А взять образ классной руководительницы, старой девы – зачем он вообще нужен? Абсолютно лишний...

Я раскрыл карты.

Ирина Васильевна ужасно смутилась, заалела щёчками и надулась.

Правда, через недельку мы опять друг другу улыбались, и так как я уже не трепетал её, то остальные мои крымские денёчки прожили мы дружно, в лёгком приятном общении, и я даже поцеловал её при прощании в её мягкие вкусные губки.

Поцеловал жарко, томительно, всерьёз.

* * *

Сейчас, по всем законам человеческого общежития, в благодарность за розовую юношескую влюблённость надо бы пообщаться-поговорить с Ириной Васильевной, порасспросить о её жите-бытье...

Но мне не до условностей. Да и счётчик где-то там, на телефонной станции, бешено вращается, накручивает не гривны – рубли. Я бесцеремонно прерываю воркотню в трубке:

– Ирина Васильевна, скажите, Володя Петров по-прежнему в редакции?

– Володя?.. Петров?! Ах, ты не знаешь – Володя умер. Два года назад.

– Как умер? От чего?

– Инфаркт. От инфаркта. И глупо так: на спор приподнял передок редакционной «Волги» – и сердце разорвалось...

Далёкая Ирина Васильевна ещё что-то говорит, объясняет, размазывает. Я осторожно, боясь сделать ей больно, пристраиваю трубку на аппарат и застываю в прострации. Думать ни о чём не хочется. Я нашариваю на столе бутылку, запрокидываю распухшую голову и выбулькиваю в себя остатки горького лекарства. Смотрю с минуту на встревоженного нервного кота и рывкаю:

– Ну не может же, чёр-р-рт побери, этого быть! Не может!!!

6

Спихватившись, я звякаю на службу: дескать, приболел, надо отлежаться.

Начальство недовольно вздыхает, но демократично благословляет на лечение, советует не пренебрегать здоровьем. Что ж, подлечиться ещё я не прочь – перцовая микстура от длительного хранения с чужой пробкой явно ослабла, испарила-выпустила свои градусы. Эх, напиток, что ли, отключить и разгрузить бедную головушку?..

Но – нет! К моменту разговора с Сибирью я должен быть в форме: соображать и запоминать. Только б Надя оказалась дома...

Проходят-протягиваются тягучих два часа. Всё это бесконечное *пространство* времени я, мучая сердце, поглощаю густейший кофе и занимаюсь шагистикой – меряю и меряю диагональ большой комнаты. Фурсик, чуя мою встопорщенность, не путается, как обычно, под ногами – зарылся в глубины кресла, изобразил из себя рыжий клубок и отрешённо дремлет.

Наконец-то трель междугородки.

– Надя, Надя! Алло!

– Чё случилось, Андрей?! – вопит, в свою очередь, переполошённая сестра: телефонный разговор через всю страну в наши дни, как правило, – трагическая необходимость.

– Надя! Объяснять некогда – потом, в письме. Скажи, Борис Хрулёв живой? Борька, он в милиции работает, я с ним учился, помнишь?

– Хрулёв-то? Да ты чё? Как ты узнал-то? Его сёдни хоронили – мимо нашего дома похороны-то шли... Венков столько, оркестр был...

– Надя, Надя, подожди! – ору я с тоской. – Что случилось с ним? От чего?

– Так, говорят, пистолет чистил и случайно стрельнул – прям в рот себе. Два дня ещё жил-мучился, да вот и помер...

Я сижу за столом, смотрю тупо на заснувший опять телефон и удивляюсь своему спокойствию. Я предчувствовал, я знал ещё до разговора с сестрой о смерти Бориса Хрулёва. О глупой и преждевременной смерти.

Хотя всякая смерть преждевременна, если возрасту не минул век или хотя бы лет девяносто. Но точку в земной судьбе каждого человека ставит не сам он, пусть и залазит в петлю головой или стреляется, и даже не другой человек – убийца или палач. Земной срок каждого из нас где-то там, в небесной канцелярии, уже зафиксирован с рождения.

Срок – точен; способ ухода из жизни – случаен.

А при чём же здесь я? К чему эти невероятные, дикие, дурацкие совпадения?! Это – совпадения? Или...

Существует убедительная легенда о Пигмалионе, оживившем плод своего творческого воображения. Но чтобы творец с помощью своего творческого воображения умерщвлял живых людей?! И почему – я?..

Я горблюсь на стуле, ворочаю-перекаत्याю в голове тяжёлые ребристые мысли, пытаюсь свести концы с началами, отыскать точку опоры...

Как вдруг острая ржавая мысль-игла впивается в мозг и заглушает мгновенно весь бес-связный хоровод дум – «Аллергия»! Мне позвонили из журнала «Москва» месяца три назад и сообщили, что моя повесть идёт наконец-то в одном из ближайших номеров.

Так, так, так!.. Что делать? Генератор мозга загудел с удвоенной энергией. Надо бы наметить-продумать план, но – некогда. Ведь сегодня – пятница, времени совсем нет. Срочно – остановить! Задержать! Снять! Запретить!

Я снова тревожу телефон, остервенело долблю по кнопкам: срыв! срыв! срыв! И – длинные гудки. Ах, чёрт! У них обед уже... Так, значит, пока – на почту. Я выскрёбываю деньги из записки и бегу.

На телеграфе я, запыхавшись, заполняю прыгающими строчками бланк срочной телеграммы в редакцию: «*Мою повесть “Аллергия” печатать запрещаю все подробности по телефону. Назаров*». И вдруг – нелепость, конфуз: у меня не хватает расплатиться за телеграмму – рублей пятнадцать.

– Девушка! Бога ради! – умоляю-унижаюсь я. – Вот моё писательское удостоверение. Я – местный, свой, я здесь рядышком живу. Я вечером занесу эти злосчастные пятнадцать рублей...

«Девушка», мадам лет сорока пяти, нежданно-негаданно обливает душу мою израненную бальзамом:

– Ну что вы, что вы! Я вас знаю. Я ваши рассказы в «Местной жизни» всегда-всегда читаю. Я и книгу вашу купила на лотке – за четыре тысячи. Мне очень нравится...

– Спасибо, спасибо! – вспыхиваю я.

– Не надо ничего доплачивать, что вы! Скажите, если не секрет, а что случилось с повестью «Аллергия»?

Объяснять, конечно, некогда, да и смысла нет, но я, признаться, впервые сталкиваюсь с таким непосредственным откликом на моё писательство. Приходится по ходу сочинительства:

– Видите ли, я взял, да и выдумал новый вариант этой повести – намного, по-моему, лучший. Вот и хочу заменить.

Телеграфистка благоговейно мне внимает. В другое время я бы целый день ходил Гоголем или по крайней мере Куприным, однако теперь мне не до авторского форса. Надо действовать.

Но телефонная связь и после обеда не рождается: никто трубку там, в «Москве», и не думает поднимать. Наконец, перепробовав все номера редакции и раскалившись до бешенства, я законтачиваю разговор, как выясняется, с бабусей-уборщицей.

– И-и-и, милочка, их никогошеньки и нету. Оне ж номер новый очередной выпустили, вот и отдыхают нонче, празднуют...

Значит, номер вышел! Неужто – в нём? Боже! Я понимаю: обстоятельства не переплюнешь – надо ждать. Дрыгаться и подпрыгивать бесполезно. Я поелику возможно беру себя в руки, возвращаюсь в действительность, к будничным мирским заботам. Фурсик тербит меня недовольным мявканьем, жалобно стонет: мол, ты, хозяин, сам не жрёшь, не лопаешь, но меня-то не забывай подкармливать!

Подхватив оголодавшую животину на руки, что этот огненно-рыжий наглец обожает донельзя, я несу его, хрюкающего от удовольствия, на кухню, наливаю ему для начала молочка. Я становлюсь вдруг страшно добрым и сентиментальным. Я гляжу, как кот, этот наш мартовский похудевший кот с куделями линяющей шерсти на рыжих боках, алчно лакает молоко, и на глаза мои уставшие набегают очистительные щиплющие слёзы. Я отпиливаю ножом увесистый кусок мороженого минтая и пластик коровьей печёнки, размягчаю их под струёй горячей воды и вываливаю Фурсу под нос. Кастратик наш очумело смотрит на меня пару секунд, боясь подвоха, подпрыгивает от сладострастия и с урчанием впивается клыками в деликатесы.

Я же, переодевшись, продолжаю гоношиться на кухне, изобретать ужин понестандартнее. К приходу Вали холодильник капитально распотрошён. На столе теснятся блюда и тарелки: салат из свежей капусты, морковочки, топинамбура, лука-репки и чеснока под майонезом, кружочки колбасы и квадратики сала с маринованным хреном, тут же – вспоротая баночка паштета шпротного; а на горячее – печень с картофельным пюре под томатным соусом...

– Чего это ты? – подозрительно смотрит жена в мои трезвые мягкие глаза. – Что случилось-то?

– Ничего особенного, – кротко говорю я. – Решил вот чуть скрасить конец недели – вкусно поужинать. Да и, – с улыбкой и по делу привираю я, – позвонили сегодня из журнала «Москва»: моя повесть идёт. Ты же знаешь, как я всегда мечтал появиться в этом журнале. Кстати, они просят приехать срочно, в понедельник: вёрстку прямо в редакции вычитать – времени уже нет.

Придумка про вёрстку выскочила наобум, из подсознания, но вовремя. Действительно, что ж на телефон надеяться.

Когда уже принимаемся за трапезу. Валя неожиданно ошарашивает:

– Может, тогда уж и выпьем немного?

– Нет! – испуганно вскрикиваю я. – У меня от этой перцовой изжога потом.

– При чём тут перцовая? У меня сухонького бутылка есть.

Мы чокаемся, пьём тёплое кислотоватое «Ркацители», едим-жуём и по привычке помалкиваем. Но обстановка, атмосфера как-то щекочет, подталкивает к общению. Давненько мы вот так по-доброму, без спешки и обоюдного раздражения не сживали за ужиным столом.

– Что это Фурсик ничего не просит? – взглядывает жена на «вождя краснокожих», сыто урчащего на радиаторе отопления.

– Я уже его обкормил.

– А-а-а.

Снова – потеря связи. Труднёхонько сразу настроиться на волну друг друга. Я украдкой смотрю на Валу, рассматриваю... А что, ей рыжинка в волосах к лицу. Наверное, седина взялась пробиваться, вот и подкрашивается. И кот рыжий, и жена... Похудела-то как! Бледная... Уж у меня-то по сравнению с её – работа не работа, а рай... Надо её вытаскивать в выходные из дома, совсем света Божьего не видит...

– Валь, – окликаю я размягчённым, как сливочное масло, голосом, – я слышал сегодня по радио: в воскресенье в главном соборе архиепископ будет мэра нашего напутствовать. Пойдём?

– Ой! – вспыхивает жена. – Правда? Пошли, конечно. В церкви с осени, поди, не были, да и с мэром интересно как там будет.

– А завтра, – великодушно продолжаю я, – с утра вместе уборочку провернём, да и на Набережную гулять и в картинную галерею заглянем, где-нибудь кофе с пирожными налопаемся... А?

Валентина – в трансе.

Выходные – как красные дни. Раньше от них лишь головная боль оставалась и бульканье-кипение в душе от бесконечных скандалов, скандальчиков и ссор. А в этот раз отдыхаем вкусно, всласть. Гуляем по солнечным лужам, смотрим наивное японское кино про оживших динозавров, рассматриваем выставку нашенских доморощенных Брюлловых и Малевичей. В воскресенье любуемся в храме на опереточно-кукольный обряд благословения владыкой вновь избранного мэра города на царство. Заскакиваем мы и на вокзал, покупаем мне билет в Москву. Валя выделяет денег аж на купе – страшная просто-напросто сумма. А уже дома отсчитывает мне в дорогу еще и пухлую пачечку ассигнаций.

– Мало ли, – говорит, – чего...

Эти две ночи мы спим вместе. Даже – не спим... Почти не спим. Словно вернулся вдруг и неожиданно наш горячий медовый месяц.

– Андрюша, – шепчет робко и счастливо Валя, закопавшись мне под мышку, – а я уж думала: нашей семьи больше нет... Будь всегда таким, а!..

Жаркий детский лепет жены преворачивает во мне сердце. Больно.

Больно и страшно.

7

Поезд прикатывает в столицу раным-ранёхонько.

Однако ж киоскер в будочке-аквариуме «Роспечати» на вокзале уже возюкается, раскладывает-выставляет свой пёстрый товар. На самое видное место – «Мистер Икс», «Эротика», «Эрос», «Акт» и прочая аляповатая похабная порнуха. В глубине киоска, на задней стенке, находят свое место и нормальные газеты-журналы. Среди них – свежая «Москва».

– Дайте! – вскрикиваю я, стукнув нетерпеливо в стекло. – Дайте «Москву» – поезд отходит. Без сдачи!

Мордатый порноторгаш кривит недовольно-угрожающую мину, но, узрев пятитысячную купюру-простыню в моей руке, благосклонно приоткрывает створку и выкидывает журнал.

Я нахожу в зале ожидания на втором этаже свободное место в дальнем углу, плюхаюсь и ещё минут пять держу книжку журнала на коленях, крепко прижав ладонью.

Нет сил открыть...

Но – судьбу не переждёшь. Я рывком распахиваю внутренности «Москвы» и сразу же вижу в оглавлении: *Андрей НАЗАРОВ. «Аллергия». Повесть.*

Пр-р-рокля-а-а-тие!

Я перелистываю журнальные страницы с моим злосчастливым, моим роковым произведением. Как я мечтал, как я молил Бога, как жаждал я увидеть свою фамилию в этом журнале-короле нашей *серьёзной* литературы... И вот теперь я готов визжать от бессильной ярости, от ужаса происшедшего: моя повесть напечатана в «Москве». Она вышла в свет.

Глаза мои скользят по знакомым до запятой, до любимого многочисленного тире строчкам:

«Виктор её ненавидел. Он ненавидел её рыжие мелко завитые кудельки, её по-дурачки перевёрнутые дужками вниз модные очки с толстыми стёклами, делающими взгляд постоянно насмешливым, он ненавидел её острый бледный нос...»

...Она умирала тяжело, мучительно, страшно – от рака лёгких. Когда она, задыхаясь и хрипя, звала его – просила воды или ещё что, он, стиснув зубы до онемения в скулах, сидел на кухне и с ненавистью думал:

“Скорей бы! Ах, скорей бы!..”

Она умерла весной...»

Я сминая-комкаю журнал, зарываюсь в него лицом и, не обращая внимания на вокзальных соседей, давлюсь всхлипами. Я вдруг и отчётливо, каждой клеточкой мозга и сердца понимаю: и никого-то, кроме Валентины, у меня на всём белом свете нету... Ни-ко-го-шень-ки!

Как же я теперь жить буду?..

8

...Вот уже минуло-протащилось полгода.

Жена моя, Валя, умерла в начале апреля – от острого воспаления лёгких. Проклятые эскулапы! Даже такую пустячную хворь одолеть не могут...

Правда, Валя грипп на ногах перенесла: как же, выпускные экзамены скоро, можно разве питомцев-оболтусов своих среднеобразованных бросить в такой момент! Ну и, конечно, осложнение на лёгкие перекинулось – сгорела в несколько дней...

А я, я-то здесь при чём, а?! Я же умолял её лечиться, лекарствами её пичкал, ухаживал за ней, когда слегла, с ложечки кормил-поил... Я не хотел, чтобы она умирала.

Не хотел!

А как она-то не хотела. Уже в последний день, вернее, ночь, приподнялась из последних силёнок с подушки, обхватила меня за шею истончённой рукой, до боли стиснула.

– Андрей, Андрюшенька! Ведь только-только жить начали! Я не хочу сейчас...

– Успокойся, – мямлил я, даваясь слезами, – ты не умрёшь. Что ты! Кто ж от таких пустяков помирает – уж давно бы земной шар опустел.

– Правда? Правда? – взбодрилась чуть она, заглядывая в мои измученные глаза с робкой надеждой.

– Успокойся! Конечно, правда, – выдавил я, видя в затемневших зрачках её самого себя и зыбкую тень-отблеск Ангела Вечности...

Все эти полгода я пролежал на диване. С работы, само собой, ушёл: просто перестал туда ходить и всё – даже трудовую не забрал. О деньгах не думал, но они сами свалились: заплатили в журнале за проклятую повесть да вдруг запустили в издательстве второй тираж суперобложечной книги – перевели мне на сберкнижку гонорарий. Одному – с лихвой.

И вот я лежал. Днями и ночами. Спал урывками, барахтаясь в липких, вязких сновидениях. Выходил раз в неделю – подкупить еды-питья. Поначалу, с поминок, запил было крепко, ударился в запой, но – завязал. По пьяни всё тянуло прикончить самого себя, самоубиться. А я для чего-то ещё хотел жить. Хотя то состояние, в каком я находился, жизнью назвать было сложновато. Я лежал в прострации. Не умывался, не чистил зубы, не брился. Я вырвал телефон из розетки и не реагировал на звонки в дверь. Решил: когда взламывать примутся, забеспокоившись, тогда открою. Но никто, видно, всерьёз не тревожился. Да и кому я, собственно, нужен?.. Фурсику, разве. Только из-за него я через силу поднимался лишний раз, кормил несчастного зверя, споласкивал его ванночку-лоток. Потом снова с ним заваливались-опрокидывались на диван. Фурс хронически спал, я – воспалённо думал.

Я лежал и – думал, думал, размышлял, пытаюсь понять, осознать *устройство* случившегося, *механизм* событий. О случайностях и совпадениях речи и быть не могло. Ясно как Божий день: между смертью моих героев и скоропостижной кончиной их прототипов – прямейшая

связь. Выходит, я – убийца?.. Но я же не знал, не знал, чёрт побери! Я же не злонамеренно, не умышленно, не рассудочно приговаривал к смерти того или иного человека в *моём* мире, в воображаемом мире... В чём же тогда вина моя, Господи?

И, уж конечно, путаясь в этих бесчисленных «как?», «зачем?», «почему?», я не хватался за ручку и бумагу, дабы привычным письменным способом всё разъять на части, разложить по полочкам, просветить анализом, понять. Я боялся письменного стола. Я твёрдо, ещё в первые дни обречённого лежания, решил: с писаниной, с сочинительством покончено раз и навсегда. Да ведь я теперь просто-напросто не смогу писать!..

Однако ж время сделало своё дело. Покаянные мысли, страх, безысходная тоска и мистический ужас начали переворачиваться, перевариваться, перебраживать – в ярость, в злобу, в бунт. Сбалансировался я примерно на следующем: с таким смертным грузом на сердце мне не жить. Без авторучки в руке, без писательства мне не существовать. Без движения, без возвращения к людям мне не быть. А значит – нечего и терять. Или пан, или пропал. И – вот правильно! – *тварь ли я дрожащая или право имею?* Если Кто-то дал мне силу и власть в сочинительстве, значит, этот Кто-то и дал мне право пользоваться этой силой и этой властью? Значит, я сам волен решать – *быть или не быть!*..

Признаюсь, от всей этой круговерти опасных и притягательных мыслей я слегка развинтился, тронулся, помешался. А может быть, и не слегка.

Я решился.

Напустив ванну кипятковой воды, я отмок, тщательно отмылся от многослойной грязи. Обстриг обгрызенные ногти. Уничтожил кустистую бороду. Расчесал, кривясь от боли, обвисшие по-хипповски волосы. Натянул чистое бельё на задышавшее тело. Выпил две чашки горячайшего кофе. Убрал-вытер с письменного стола почти вершковый слой пыли. И – сел. Вздораженный Фурсик вскочил привычно ко мне на колени, вытянулся блаженно и подзабыто вкусно заурчал.

Я решил написать повесть. Или рассказ.

Главный герой должен был в конце умереть. Как? От чего? Каков сюжет произведения?.. Это я представлял себе ещё смутно, совсем туманно. Я только определил, кто будет героем. Точнее: я видел явственно прототипа.

Я знал его много лет, когда-то работал с ним – мразь из мразей. В одной из своих вещей я упомянул о нём в эпизоде: дал две-три черты его наглой внешности, два-три характерных штришка его мерзкой фарисейской биографии. Убивать там, в той повести, я его и не думал, напротив, он по сюжету благоденствовал и карьерился. Теперь, в жизни, карьера его сорвалась: он оказался профнепригодным, к тому ж проворовался, так что полетел вверх тормашками из начальнического кресла. Но, как и все они из породы непотопляемых прохвостов, мой будущий герой нашёл-таки, отыскал себе вполне тёплое местечко, всплыл и продолжает приванивать вокруг себя...

Короче, на этой особи я решился провести фантастический эксперимент, проверить свою безумную силу.

Я мучился трое суток. Я сидел, часами не вылезая, за столом. Ходил, турнув кота, из угла в угол, расплющил-сжевал колпачки двух ручек, перемарал листов двадцать бумаги – бесполезно! Масть не шла. Этот проклятый лупоглазый прототип щеперился, упирался, выскальзывал, никак не втискивался живьём в пространство рассказа. Вместо живого убедительного героя рисовалось нечто ходульное, манекенное, кисельное.

И вдруг я поймал себя, зафиксировал: во мне, в мозгу моём пульсирует, рождается, рвётся во внешний мир совсем другая история, совсем другой герой. Я наконец-то услышал тот волнительный гул в душе, который вот-вот начнёт проясняться, упорядочиваться, проявляться в слова, образы, сюжетные ходы...

Но мне не нужен этот сюжет!

Я пытаюсь бороться с собой, глушить-заглушать рвущийся из глубин сознания разгорающийся творческий импульс или хотя бы повернуть его в нужное, необходимое, продуманное русло. Напрасно! Меня охватывает неудержимая дрожь нетерпения. Я бросаюсь к столу, хватаю судорожно ручку и начинаю стремительно покрывать саван бумаги нервными прыгающими строчками: *«Просматривать газеты начинаю я всегда с последней полосы. И сразу – с некрологов. Так уж привык...»*

Я пишу эту повесть о самом себе, о событиях последнего года, о своём позднем ужасном прозрении. Я пишу с жаром, с сумасшедшим вдохновением, почти не отрываясь от стола. Бедный Фурсик разъярился от голода и жажды, вопит где-то там, в ванной – я запер его, чтобы не мешал. Я пишу-сочиняю горестное повествование о герое-писателе, обладавшем страшным убийственным даром, и прототипом которого являюсь я сам. И я уже знаю, прозрев весь ход сюжета, что в финале моей мрачной повести герой мой умрёт...

Я не могу не написать эту повесть. Но я не хочу, не желаю – слышите вы! – я не хочу, чтобы её... Я боюсь!

Я страшно хочу жить!

ДЖУРОБ

Виртуальный роман

Предыстория

Сердце мне подсказывало – не вступай в это дело, не надо...

Хотя, в принципе, казалось бы, я ведь не потерял ничего, наоборот, – приобрёл. Однако ж, глыба-глыбища на сердце, которое как бы загодя почувствовало, что окажется крайним, будет расплачиваться за этот *виртуальный* подарок судьбы, осталась-повисла такая невероятная – в пору самому раз и навсегда исчезнуть из этого опостылевшего мира...

Впрочем, – всё по порядку.

В середине декабря я по электронной почте послал в издательство «Астрель», где у меня только что вышел роман «Алкаш», файл новой книги «Жёсткая проза». Оставалось ждать ответа из Москвы с до зарезу необходимыми мне словами: предложение нас заинтересовало, приезжайте для заключения договора... В ожидании и предвкушении я размечтался и об авансе в пятьсот, а то и в целую, как выражаются крутые, тонну зеленопузых баксов, и, соответственно, о праздничном столе с коньяком, шампанским и зернистой икрой – всё ж таки миллениум!

Одним словом, я с таким горячим нетерпением ждал из столицы отклика, что отрубил на время все подписки новостей, которые получал по e-mail¹. А так как за последнее время я заблокировал-отвадил практически и всех настырных рассылщиков спама, а *мылом* регулярно я обменивался всего с двумя-тремя людьми на всём земном шаре, то и остался в итоге наедине с пустым почтовым ящиком. У меня хватало выдержки не включать модем днём, а вечерами, когда, по моим подсчётам, издатели уже должны были отправить-разослать всю какую ни на есть электронную почту, я нырял в Интернет, запускал Outlook Express и, как последний дурак, тратя драгоценное онлайн-время (доллар за час!), долго лицезрел в пока ещё смутной тоске глумливую надпись-уведомление в окне папки «Входящие»: «В данном представлении нет записей».

И так – день за днём! Миллениум неотвратимо надвигался, а у меня никаких перспектив ни на коньяк, ни на шампанское, ни, тем более, на икру – придётся новое тысячелетие встречать пошлой водкой, пивом и, опять же, ливерной колбасой и плавлеными синтетическими сырками...

И вот, уже 31 декабря, перед тем, как нарезать позорную требуховую колбасу да вдарить под неё с отчаяния граммов двести пятьдесят опилочной отравы, я без всяких надежд, только лишь бы потратить оставшиеся на карте входа в Интернет последние двадцать минут, подключился, раскрыл почтовый ящик и вдруг увидел информацию о полученном сообщении. Я едва дождался, пока оно сольётся в комп. По затянутости процесса я догадался, что письмо тащит за собой солидный прицеп. Так и оказалось: информационная строка пиктограммой скрепки уведомляла о вложенном файле, обратный адрес выглядел так – lamer@mail.ru, а в графе «Тема» значилось лаконично: «Текст». Ничего себе! Видать – отлуп от издательства с присовокуплением моего же несчастного файла. Хотя у «Астрели» и был другой e-mail'овский адрес, но сменить почтовый сервер в наши дни – две минуты хлопот. Впрочем, для издательской фирмы

¹ Для читателей, ещё живущих в докомпьютерной, доинтернетовской эпохе, а таких у нас в России по статистике ещё немало, в конце даётся-прилагается небольшой словарик компьютерных терминов и сленга.

интернетовское имя звучало-выглядело несолидно, юморно, даже ёрнически – ещё бы чайником подписались!

В нетерпении я кликнул мышью, раскрыл письмо и прочёл:

Николай Николаевич, Вы меня не знаете, но это не важно. Я Ваш тёзка, а фамилия моя... Нет, не важно. Ничего не важно! Важно, что я выбрал Вас. Да больше и некого! Впрочем, это, может быть, звучит обидно для Вас... Хотел стереть это, да – ладно. Во-первых, у меня есть, я читал все Ваши московские книги: и «Осаду», и «Криминал-шоу», и самую последнюю – роман «Алкаш». Но, главное, я только что прочёл Вашего «Достоевского», который вышел в нашем издательстве. Так что, я знаю, КОМУ доверяю свой текст. Смейтесь не смейтесь, а я чувствую общность наших душ. Я даже, как Вы заметите, в подражание Вам часто использую-применяю в своём тексте «парнишки», как я их называю, то есть – двойные, сцепленные дефиской, слова. Во-вторых, о Вас хорошо отзывается небезызвестный, надеюсь, Вам поэт Телятников Аркадий Васильевич² (впрочем, в отчестве, может быть, ошибаюсь), с которым мы приятельствуем. Ну, а в-третьих, как я узнал из газеты, Вы единственный из местных писателей гуляете в Сеть, имеете свой персональный сайт и мыльный адрес³. К слову, побывал я в ноябре на юбилее вашей писательской организации в облбиблиотеке, поглядел на местных Беловых-Бондаревых, послушал их речи-выступления – лохи лохами! Они, поди, до сих пор лаптем щи хлебают...

Опять я не о том!

Короче – вот Вам мой текст. Что хотите с ним, то и делайте. Лыщу себя надеждой, что если Вы приложите к нему руку, то может что-то и получится – рассказ, повесть, роман... Не знаю! Знаю, что фактура, как говорится, налицо, сюжет обозначен, настроение, тон (в этом я уверен) есть-имеется, а уж как из всего этого сделать прозу – не мне Вас учить. Прошу только не менять моё обозначение-название разделов – глики. Это мой неологизм, получившийся в результате совокупления словечек «клик» и «глюк». Причём «глюк» не только в компьютерном смысле, но и... В общем, Вы поймёте.

Всё! Остальное – в файле...

На первых строках я, конечно, гнева Бога, матюгнулся. Но дальнейшее меня заинтересовало, а уж упоминание о моих книгах и вовсе благорасположило в пользу неведомого Ламера. Да и то! Роман «Алкаш» всего с месяц назад вышел в Москве и у нас в Баранове только-только начал продаваться, а уж книга о Достоевском, изданная нашим местным университетом совсем смешным тиражом и буквально на днях, уж и вовсе не могла ещё вызвать отклика, да вот – поди ж ты! К тому же, строка о «парнишках» не могла не заинтересовать: это он так мои *дилексемы*, которые мне чрезвычайно нравится *изобретать-придумывать*, называет, что ли?..

Аккуратно переместив-сохранив файл в специально приготовленную для пришельцев из Интернет-космоса папку «Карантин», я увидел, что он был упакован RAR'ом, «весил» почти 700 килобайт и назывался «JULIA ROBERTS». Я просканировал-проверил его для подстраховочки на педикулёз антивирусом (хотя мой недремлющий аргус AVP Монитор в случае чего и так бы не позволил заразному файлу запуститься-раскрыться) и – разархивировал. Файл, прорвав тенета упаковки, вырос-раздался в глубинах моего Pentium'a почти до двух мегабайт и скомпоновался в виде электронной сайт-книги: каждый «глик» являлся гиперссылкой, и чтобы увидеть продолжение, надо было кликать мышкой для перехода на следующую страницу. Кроме того, то и дело встречались ссылки на картинки-иллюстрации.

² Некоторые имена и фамилии я изменил по понятным соображениям.

³ Это правда, более того, у меня даже два сайта: <http://www.niknas.hop.ru>, <http://www.niknas.narod.ru>; а e-mail – niknas2000@mail.ru.

Итак, вот этот странный текст под названием «JULIA ROBERTS»:

Глик первый

Я, конечно, – сумасшедший. Пусть! Тем и лучше – хоть какое-то объяснение...

Впрочем, надо попытаться с начала – *ab ovo*⁴. Иначе сам чёрт ничего не поймёт. Да и самому надо всё разложить по полочкам, разобраться-вдуматься – может, всё не так дико и фантастично, как мне мнится-кажется?

А началось всё 6-го марта 1998 года – это уж я запомнил твёрдо. Я впервые увидел «Красотку». Да, да! До этого я никогда и ничего не слышал об этом фильме, или – пропускал название мимо ушей. Вот что значит не иметь в доме видака и полностью зависеть от телеящика, от наружной общей антенны, которая позволяет улавливать только первый и второй каналы. Больше того, я даже имя Джулии Робертс до того дня практически не знал, не слышал. Ну, что делать – лох! Одним словом, когда в телеанонсе накануне я услышал, что завтра, в пятницу, будет крутиться знаменитый фильм-блокбастер с самой известной и неподражаемой звездой Голливуда Джулией Робертс в главной роли – я принял это, естественно, за обычный рекламный трёп. Представить дико: я вовсе и не собирался смотреть этот так нагло рекламируемый, как тогда думал, фильм!

День 6-е марта был дурацким, нервомотательным днём. Лил-хлюпал за окном нескончаемый дождь, я бегал по размокшим улицам сначала в поликлинику сдавать анализы (что-то тревожило-томило болью в животе под ложечкой), потом аллюром обратно на работу – читать-редактировать пухлый кирпич кандидатской диссертации аспиранта со спортфака:

...круглый полуприсед дугой внутрь, выкрут мяча наружу, разноименный поворот на 360° и передать мяч за спиной в левую руку с вывертом обратной плоскости ладони...

Я вылизывал-редактировал этот физкульт-бред целую неделю, автор торопил-подгонял меня каждодневными звонками – это было первое моё серьёзное задание в издательстве, и я вымотался донельзя. Когда в полседьмого вечера я очутился дома, заляпанный по пояс грязью и по самое горло делами-заботами, то вспомнил, что Анне-то своей я так и не купил даже букетика мимоз и теперь придётся выбираться за ним под дождь завтра, в самый канун праздника.

Чтоб все эти дурацкие праздники провалились куда-нибудь на фиг!..

Впрочем, диссертант-авральщик вручил мне в благодарность за труды и в порядке компенсации за нервотрёпку бутылку хорошей водки и коробку ассорти. Вот и ладненько, решил я: конфеты вытащим-предъявим 8-го утром и вручим своей ненаглядной вместо стандартных мимоз, а водочку сегодня же и распробуем – начнём загодя женский день праздновать, поднимем настроение. Я тут же, не дожидаясь благоверной, попробовал «Губернскую» на вкус, занюхал-закусил колбаской ливерной, кусочек выделил-отрезал извращенцу Баксу Марковичу (он рыбу натуральную не так охотно ест, как эту позорную колбасу – урчит прямо!), потом взялся заваривать на ужин магазинные пельмени...

Совсем без скандала поужинать не довелось: Анне Иоанновне моей не понравилось, что я приложился к бутылке до ужина, что я прикладывался к ней во время оно, и что я вообще распечатал дармовую «Губернскую» – ведь на празднично-юбилейный обед тогда можно было и не покупать.

– Анна Иоанновна, – подъялдыкнул я, – это ж я из уважения к вам, к бабам-с! Я за вас готов пить всегда и везде, не дожидаясь пошлых поводов! Что касасемо растрат, то я уже второй месяц, как вам известно, зарплату получаю и впредь надеюсь получать, так что – неужто не прорвёмся?

⁴ *ab ovo* – букв. «с яйца»; с самого начала (*лат.*).

– Зарпла-а-ату... – зло ворчнула моя ненаглядная – терпеть не может, когда я величаю её «Иоанновной». – На твою зарплату проживёшь, куда там!

Самое что бесит – права она, на все сто права. И возразить нечего. Полгода я ходил безработным после получения диплома филфака, и вот только второй месяц, как устроился в издательство университета редактором. Оклад мне положили, смешно сказать... Да ну – и говорить не хочу! Впрочем, я возразил:

– Ну, во-первых, моя зарплата всё-таки больше твоей аспирантской стипендии. Во-вторых, братан твой за честь должен почитать и дальше нам вспомоществовать, ибо, как и любой «новый русский», только возвращает нам у нас же и отграбленное. Ну, а, в-третьих, если Вован твой Иванович и вправду не врёт как сивый мерин, и если на самом деле подарит нам к юбилею комп, то я уже с понедельника начну грести деньги лопатой – буду набирать и распечатывать тексты мегабайтами и килотоннами...

Да, да, Джулия и компьютер в жизнь-судьбу мою вошли практически одновременно – вот в чём символика и таинственный код дальнейших событий, вот в чём суть. А не в наших глупых, надоевших, бесконечных, бессмысленных и пошло-обыденных ссорах-препираательствах двух нищих, уставших от бытовухи и друг друга, преждевременно старящихся людей. А ведь нам обоим было тогда всего по двадцать три, и мы всего пять лет как жили вместе, казалось, вчера только мы были первокурсниками, шумела наша разгульная студенческая свадьба, были безумные, бессонные ночи с изматывающими до сладостного изнеможения переплетениями тел...

Хотя, стоп: про «переплетения» я перебарщиваю. С «переплетениями тел» в семье нашей с первых дней была-ощущалась напряжёнка. Влюблённость была, секс был – переплетений и страстных стенаний не было. Вместо стонов сладострастия были охи-ахи страхов-опасений: как бы нам не забеременеть, да как бы скрип супружеского нашего дивана-развалюхи соседи через стенку не услышали...

Только для того, чтобы загасить начавшуюся было разгораться ссору, я и врубил телящик. Уселись мы его смотреть в надутым состоянии духа, особенно я – отобрала-таки Анна Иоанновна оставшиеся полбутылки, спрятала. Когда фильм начался, я, оглаживая мурчащего на моих коленях Баксика, думал напряжённо о своём: как, под каким предлогом в кухню выбраться и шмон-разведку насчёт ещё ста граммчиков устроить? Подруга жизни, как всегда, сидела в кресле сзади, вязала бесконечный свитер, сосредоточенно посапывала – для неё важнее вязания по вечерам и дела нет. К слову уж упомяну: больше всего меня в Анне моей поражает равнодушие её к литературе, индифферентное отношение к книге – читает только по программе, по необходимости, никогда лишней раз по вечерам томик не откроет. А ведь филфак кончила, в аспирантуре учится, кропает диссертацию по Сергееву-Ценскому...

Нонсенс, абсурд!

Джулия Робертс поначалу не произвела на меня особого впечатления. Не знаю, была ли это задумка с белым париком удачным ходом режиссёра, или так случайно получилось, без умысла, но я впоследствии убедился: Джулия-блондинка, если можно так выразиться, менее Джулия Робертс, чем Джулия рыжеволосая. Хотя, как я уже вскоре узнал, от природы она была светлой шатенкой – что ж, и природу можно удачно корректировать. Не вызвал поначалу симпатии, само собой, и проститутский имидж её героини – вихляющая тазобедренная походка, юбочка по самое не могу, ботфорты до подмышек, нагловатый *скоромный* взгляд...

Но какое-то непонятное – томительное – волнение я почувствовал в сцене, когда Ричард Гир отрывается, наконец, от деловых бумаг и начинает заинтересованно, по-мужски, смотреть на безудержно хохочущую на ковре перед телевизором Джулию. И вдруг как начало меняться лицо её, как зримо, *физически*, начал умирать-затихать смех в её горле, и вот её губы, её невероятно большой, почти арлекинский, но прекрасный чувственный рот закрылся, погасив-спрятав до конца и улыбку, а в глазах, в темноте бездонных зрачков появились отблески лёгкой

досады, неизбежного стыда-смущения и, вместе с тем, ощущения своей силы, своей власти над самцом, сознания, что власть эта через минуту станет беспредельной, безграничной...

И когда Джулия на коленях, нет, даже, скорее – на четвереньках, по-самочьи, подползла-приблизилась к Гиру, расстегнула пуговицы своей блузки, показала-выставила на обозрение скромный чёрно-белый лифчик, скрывающий явно небольшую, совсем девчоночью грудь, вдруг так остро захотелось, чтобы она взяла, да и рассмеялась в лицо этому проклятому самцу-миллионеру, снова наглухо зашторилась-застегнулась, швырнула ему в лицо его паршивые вонючие баксы и с высоко поднятой головой ушла на своих фантастически длинных *гордых* ногах прочь и подальше. Но вместо этого Джулия вдруг начинает копать пальцами в районе ремня и ширинки-гульфика Гира, всё там расступонивать-расстёгивать...

Она заглядывает ему в глаза и, опять же через силу, как мне показалось, спрашивает:

– Что ты хочешь?

– А что ты делаешь? – дебилно, скорее всего по вине дублёра, отвечает Гир. Вероятно, он всё же спрашивает: – А что ты умеешь делать?

– Всё, – пытаюсь быть бесстыдной, отвечает Джулия, вернее, конечно, Вивьен. И торопливо уточняет: – Но я не целуюсь в губы...

И тут она недвусмысленно склоняется, скользит губами по его животу, потом всё ниже, ниже...

Я невольно сжал-стиснул Баксика так, что котяра бедный рывкнул со сна и спрыгнул, ошарашенный, на пол. Я смотрел на лицо Ричарда Гира, который похабно закатил глаза от удовольствия, чуть не пристанывая, и мне было до того горько и обидно, было так чего-то до ноющей боли в паху жаль, что я скрипнул зубами. Ну, ладно бы какая-нибудь сексапильная эксгибиционистка Шэрон Стоун или похотливая сучка Ким Бейсингер в этой сцене снималась – приятно было бы посмотреть. Но эта-то, эта-то Джулия – как её там? – Робертс, с её милым обликом, её добрыми, уже совсем не стервозными глазами, с её простодушным ртом, её невероятным завораживающим открытым смехом – ну зачем, зачем она на такое непотребство согласилась-пошла? Ведь это всё равно как если бы Одри Хепбёрн в «Римских каникулах» начала Грегори Пеку ширинку тереть-расстёгивать...

Потом до конца фильма я сидел, вцепившись в подлокотники кресла, словно во взлетающем бесконечно самолёте, и молил Бога, чтобы Анна моя со мной не заговаривала даже и во время рекламных пауз-антрактов. В иные моменты я, если продолжить сравнение с самолётом, словно ухал в воздушные ямы, чуть не до душевного оргазма – когда, например, Джулия впервые вышла-показалась без светлого парика, встряхнула головой, размётывая по плечам прекрасную свою тёмно-червонную гриву, и зачем-то, как бы извиняясь, мило пояснила-призналась: «Рыжая!..» Или когда она у лифта, собираясь уходить прежде времени, после ссоры, но уже и поддавшись на уговоры остаться, говорит Гиру с укоризной: «Ты обидел меня? Больше так не делай...» И особенно – когда крупным планом показывали её ангельски красивые и чертовски умные глаза, и когда через голос дублёрши-переводчицы прорывался её доподлинный необыкновенный колдовской смех: за один этот смех можно было влюбиться в Джулию не глядя!

Одним словом, она вошла-проникла в жизнь мою, в моё сознание, заполнила всё моё естество томительной болью-сладостью, словно сильное наркотическое опьянение. Моя жизнь с вечера 6-го марта 1998 года разделилась на «до» и «после»...

Я влюбился в Джулию Робертс – влюбился всерьёз, влюбился отчаянно, влюбился безудержно, влюбился сумасшедше, влюбился глупо, влюбился патологически...

Безнадежно!

Глик второй

Любовь...

Никто не знает, что это такое! Одно бесспорно: любовь и счастье – синонимы.

Кто-то будет смеяться надо мной – втюрился, как школьник-онанист, в голливудскую кинозвезду. В своё оправдание скажу: уж лучше влюбиться в голливудскую звезду, чем в мысль-мечту о самоубийстве. А у меня дело к тому шло. Ощущение тупиковости, безысходности и законченности жизни-судьбы вызрело-расширилось в сознании к тому времени до крайнего предела. С Анной мы жили под одним потолком пять лет, но знали друг дружку, что называется, чуть не с пелёнок: сидели с пятого класса за одной партой, поступили вместе на филфак, сейчас бы и в аспирантуре вместе доучивались, да меня, к счастью, ещё на пороге сразу завернули. Говорю «к счастью», потому что, только отлепившись-отодвинувшись волею обстоятельств от моей Анны (так и просится-выскакивает следом – Иоанновны!) во времени и пространстве, я осознал-почувствовал вполне – как мы друг от друга устали. Это же тихий ужас: в институте вместе, дома вместе, в гостях вместе, в отпуске вместе, в праздники вместе, в выходные вместе, утром, днём, вечером, ночью – вместе, вместе, вместе!..

Я не оправдываюсь. Я не пытаюсь объяснить своё сумасшествие. Да и что там оправдываться-объяснять – так случилось. Впрочем, ни о какой любви поначалу, разумеется, и речи не шло. Просто я весь тот вечер ходил-шатался по квартире под впечатлением «Красотки» – даже про недопитую водку забыл. Я спать ложился под этим впечатлением. И даже – уж признаюсь – я вдруг, уже в темноте, на Анну навалился и, сломив её вялое сопротивление, изнасиловал, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не простонать во время последних конвульсий – моих конвульсий: «Джу-у-улия-а-а!..»

Через день, как уже упоминалось, я стал компьютеровладельцем, чайником. Мой, выражаясь замшелю, шурин Вован (выбрали же предки имя – как предчувствовали!), несмотря на свои сопливые 20 лет, уже принадлежал к клану нынешних хозяев жизни. Он – крутой. Еле-еле кончил 7 классов в своей деревне, перебрался в город, фарцевал-спекулировал, откосил от армии (я и сам не служил, но вполне честно – по здоровью), заделался вскоре совладельцем фирмы «Хакер» по продаже компьютерного железа и вот теперь, пожалуйста, ездит-рассекает пацан на джипе «Гранд-Чероки», голова-тыковка всё время скособочена к плечу, мобильник зажимает, барсетка у него размером с портфель и набита под завязку баксами-капустой, говорит он со мной, уж разумеется, через губу, забыв, козлёнок, как я ему совсем ещё недавно соплю утирал и от дворовых малолетних рэкетиров спасал-отмазывал. Да чёрт с ним! Я ему не завидую. Я всем им, этим бритоголовым вованам, не завидую: век их недолог – и в прямом, и в переносном смыслах. В принципе, я должен быть шуряку своему и благодарным – он, действительно, подкидывал сестре матпомощь довольно регулярно и вот даже разорился на компьютер – ей для диссертации, мне, зятю, для приработка: сколько ж можно из него, Вована, соки тянуть!

Машина оказалась, впрочем, далеко не первой свежести – подержанная, потрёпанная, катастрофически устаревшая ещё позавчера «четвёрка». Но, как говорится, дарёному компу в чипы не смотрят. Ну и намучился я с ним в первое время! Строптивец зависал-глючил буквально через два шага на третий, не компьютер – глюкодром. Хотя, с другой стороны, хакерами не рождаются, хакерами становятся в борьбе с глюками. До этого я только, ещё в студенчестве, набирал-настукивал тексты в Lexicon'e, считая компьютер за обыкновенную только навороченную пишмашинку. И вот, когда Вован Иваныч, как всегда дёрганный, суелливый, злой с похмелюги, заскочивший к нам буквально на бегу – сеструху поздравить с женским днём да годовщиной свадьбы – взгромоздил на стол наш письменный сам блок и монитор, соединил-законтачил их проводами, воткнул куда следует шнуры от клавиатуры и мыши, включил, убедился, что

картинка появилась, удовлетворённо хмыкнул, хлопнул меня покровительственно по плечу, хлопнул затем и стопарь виски, поднесённый Анной (специально бутылка в доме для Вована хранится – он только «скотч» употребляет), бросил уже в дверях: «Звякай на трубу, если чё, типа, проблемы будут!» – и исчез, я сел на стул и минут десять смотрел на компьютер не мигая, со сдавленным сердцем. Да, именно в это мгновение, в эти несколько *переходных* минут я ощутил-почувствовал всеми фибрами рефлектирующей своей души, что наступает, уже практически наступил в моей жизни-судьбе этап, который резко перевернёт всё и вся, что началась для меня компьютерная, виртуальная эра, в которой (да, да, я это почувствовал, я это предчувствовал уже тогда!) суждено мне кардинально измениться...

Я был, конечно, уже слегка пьян, а перед тем, как подступить к компу вплотную, вдарил ещё полстакана водочки, так что соображал не весьма трезво и потому с четверть часа тупо пялился на экран дисплея, – красивого, празднично-голубого цвета с жёлтой полосой понизу – пока до меня не дошло, что компьютер мой свежеподаренный, что называется, висит, как боксёрская груша. Но у меня хватило ума обесточить-выключить его и не касаться больше до утра: Вовану наверняка было уже не до меня, в «Фигурнове» и по трезвому-то мало чего разберёшь, а самому наугад бить-стучать по клавише и давить батоны муси – потом не расхлебашь. К слову, я впоследствии убедился вполне, что компьютер действительно не любит, больше того – не терпит пьяного за рулём, то бишь, за клавиатурой.

В конце концов, я обуздал свою «четвёрку», более-менее приручил, научился ею править-управлять не хуже, чем мифический Аполлон бешеной квадригой на фронтоне Большого театра. К счастью, я расторопно разобрался, что «Фигурнов» даже в его 6-м издании-варианте – помощник-подсказчик в компьютерном обучении весьма уже обветшавший, так что поднакупил справочников поновее, *повиндовстее*. Забегая вперёд, скажу, что самый лучший самоучитель для «игры» на компе, без сомнения, наша отечественная «Новейшая энциклопедия персонального компьютера» Виталия Леонтьева – она вышла позже, когда у меня был уже новый комп, и стала, без преувеличения, моей настольной книгой. Если бы все учебные пособия писались так толково и таким *человеческим* слогом – можно было бы упразднить к чёртовой бабушке все школы, курсы, вузы, колледжи, лицеи и прочую образовательную нагромождённость...

Куда это я? Возвращаюсь в колею.

Само собой, тут же встала во весь свой баскетбольный рост проблема с Интернетом. Вернее, с отсутствием у меня модема. Перед этим я унизился – выпросил у Вована принтер. Этот гондон штопаный (прости, Господи!), естественно, заковывался, сделал вид, будто не просекает, о чём речь-базар, как они, дебилы, выражаются – пургу начал гнать: мол, на печаталку сам бабки нарисуй-напечатай... И я пошёл ва-банк: я вежливо напомнил-объяснил неразумному моему родичу, что пять-шесть кусков деревянных мне не заработать даже и за год, а без принтера его дарёный вонючий писюк, вот именно, будет не писюком, а простой железякой, каковую я сейчас же и выкину с пятого этажа на хрен и об асфальт, после чего его, Вована, жлобской ноги на пороге моего дома больше не будет до скончания века!..

Проняло. На струйный и, тем более, лазерный не разорился, пожамотничал («Будешь, – уел, – потом на расходные у меня же клянчить!»), но вжикалку за две с половиной тыщи, хотя, опять же, «б. у.» и не самую лучшую, всего-навсего 9-игольную, модели «Epson LX», выделил. Я, конечно – глуп человек! – сперва не очень-то доволен остался, но впоследствии не раз убеждался в разумности такого исхода дел: на порошок или чернила для навороченных принтеров надо действительно миллионерский кошелёк иметь и каждую страницу лишней раз бояться распечатать – одна заправка стоит несколько сот рубликов. А на своём Эпсоне, не на этом, а другом, более продвинутом (с 24 иголками), который я впоследствии заимел, я умудрялся с одним картриджем и сменной лентой до полутысячи страниц отшлёпывать-печатать...

Тьфу ты, опять понесло в сторону!..

Короче, я, конечно, понимал, что о модеме заикаться Вовану даже бесполезно, а без выхода в Интернет мне уже и жизнь была не мила. Пусть, пусть я преувеличиваю чуток, но – не на много: мне крайне и позарез нужно было пробраться во Всемирную Сеть. И вот тут я проявил такие хватские способности, которых никак от себя не ожидал, и провернул операцию, как какой-нибудь стопроцентный делец-бартерщик. Впрочем, опять дело случая, меня как будто кто-то настойчиво вёл-подталкивал. В рекламной газетёнке «Всё для Вас» я увидел объявление: «Меняю внешний модем на матричный принтер». Я быстренько сообразил-прикинул: свои тексты набранные я смогу распечатывать пока в издательстве – там вжикалок хватает. И мы в момент законтачили-договорились с этим доброхотом, он мне вручил-передал за мой 9-игольный дрюкер вполне приличный и почти новый модем «ElineCom 34/56», да ещё и (тут уж я совсем оделаварился!) кинул сверху монет на 20 часов Интернета.

Когда Анна моя с работы пришла – уже было поздно хай поднимать, орать, визжать и звонить братану. Я ей разумно объяснил: принтер – дело наживное, а вот без вояжей-путешествий в Интернет мне обойтись никак нельзя, ну совершенно невозможно. Почему невозможно – подруга жизни уразуметь толком так и не смогла, но тон мой её убедил. Она знала: если я заговорил *таким* тоном, спорить со мной бесполезно и даже опасно – лучше не связываться. Многолетняя дрессировка давала свои плоды.

И вот наступил день, когда я настроил в компьютере все программные дороги-повороты для выхода в Internet, засветил разноцветный светофор модема, открывающий мне светлый путь, набрал телефонный номер, ввёл имя-логин, код-пароль с карты входа и – нырнул впервые в этот бездонный, необъятный, бесконечный океан, в эту параллельную метagalактику. Нырнул, чтобы найти-разыскать в этом безбрежном метамире, в этой супергалактике одного бесконечно интересного для меня человека – Джулию Робертс.

Красотку Джулию!

Глик третий

И сразу же я испытал шок.

По подсказке Виталия Леонтьева, я, едва оглядевшись в виртуальном лифте-броузере Internet Explorer, разобравшись с кнопками, иконками и папками, тут же поднялся на этаж-портал www.aport.ru, сразу убедился, что две подлые сестры реального мира – реклама и политика – правят бал и в виртуальном, вызвал интернет-проводника «Апорт!» и приказал вести меня в те сайты-помещения, где смогу я встретиться с моей мечтой. Поисковый робот прозондировал искомые ресурсы, пошарил по сетевым сусекам и выдал мне план-список маршрутов – Джулия Робертс была прописана на 862-х сайтах! И вот тут я невольно, по незнанию и по роковому стечению обстоятельств совершил ужасную ошибку: я с первого же клика попал на ту единственную из более чем восьмисот шестидесяти страниц, которую должен был просмотреть одной из последних или вообще самой последней. Эта страничка, находящаяся по адресу...

Впрочем, нет, к чёрту, не буду светить этот адрес! Так вот, эта веб-страничка настолько сразу взвинтила планку, обрушила на меня такой объём *откровенной* информации, что впоследствии, ожидая не без основания прогресса, я зачастую вновь и вновь разочаровывался. Причём, как я тоже потом понял-разобрался, сайт этот с дурацким названием «Голая правда», был, в общем-то, препаршивеньким и состоял всего-навсего из одной странички без всяких гиперссылок: сначала шла фильмография Джулии на английском языке; а затем – две картинки, одна под другой. Вот в них-то и – суть.

Дело в том, что когда из-за нижней границы-края экрана начало выползать-появляться первое изображение (комп работал страшно медленно!), у меня сердце в каком-то томительно-сладостном предвкушении стало притискивать: распушенные прямые на этот раз волосы, знакомая джулиевская улыбка, какие-то экзотические серьги-подвески невероятной длины, открытые руки, плечи, шея... На ней – тёмная кофточка-майка, поясной фотоснимок сделан репортажно, на ходу, и вот на этом снимке, полном движения, экспрессии, отчётливо было видно-заметно, что под маечкой ничего более нет – бутоны сосков бесстыдно выпирали из-под паутины материи...

Господи, милостивый Боже, зачем, ну зачем наделил Ты меня воображением и фантазией! Я так въяве, я так совершенно зримо видел-представлял, как колышутся груди Джулии на ходу, я даже как бы явственно слышал нежный шорох, с каким острия сосцов её трутся-скользят изнутри по материи... Причём, вот что поразительно: я же видел отлично на телеэкране, особенно в «Красотке», что грудь у Джулии Робертс, скажем так, не из самых больших, ну максимум 2-й номер, а вот на снимке казалось-виделось, что груди именно – колышутся...

Был вечер, начало одиннадцатого. Жена сидела сзади и чуть наискосок, в нише, на диване, вязала очередную тряпку. Экран монитора она видела, могла видеть. Я пододвинул стул вправо, развернул, сел чуть боком, скособочился – прикрыл Джулию корпусом. Едва уравнил дыхание и, утопив кнопку прокрутки, двинулся дальше. По положению бегунка я догадался, что должно быть ещё что-то – текст или картинка. «Хоть бы картинка! – молил я. – Хоть бы ещё фотография!..» Я мечтал-предчувствовал, что увижу нечто запредельное. И – не ошибся!

Впрочем, сначала вырвался из груди моей вздох разочарования: картинка выползала чёрно-белая. Но я тут же забыл об этом: уже по взгляду, какому-то грустно-печальному, по странному выражению знакомого лица (и тень стыда, и какой-то вызов), по непривычно сомкнутым – неулыбчивым – губам Джулии виделась-просчитывалась необычность этой фотографии. Я онемел: она стояла у какой-то стены боком, правым плечом вперёд, сложив руки за спиной, навалившись на них, повернув лицо к объективу – она смотрела своим печально-укоризненным взглядом прямо на меня, словно говоря этим взглядом что-то вроде: «Что ж...

смотри, если тебе и вправду это так важно...» Да, она была полностью обнажена. Впрочем, это опять был только поясной портрет, но мне и этого хватило с избытком – я ведь уверен был, я не сомневался, что дальше, потом, я найду и вовсе запредельно-откровенные её фотоизображения...

– Ты что там, порнуху в своём Интернете нашёл? Задышал, как паровоз! – вякнула Анна.

– Отстань! – рявкнул я и поплотнее прикрыл телом Джулию.

Грудь её меня поразила. Если на предыдущем снимке мне мнилось-казалось, что они, груди, колышутся под тонкой материей маечки, то теперь я увидел-убедился – не могли они колыхаться: грудь Джулии (я видел только одну, правую) была небольшая, с тёмным выпуклым соском, оканчивающимся крупной ягодой – да простится мне такое пошло-избитое сравнение! Но это была именно ягода – ежевика: я прямо-таки почувствовал вкус её терпко-сладкий на губах своих. Я уже прикоснулся в воображении к груди Джулии, я уже робко целовал её вызывающе встопорщенный сосок, ощущая языком шероховатую *мягкую упругость*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.